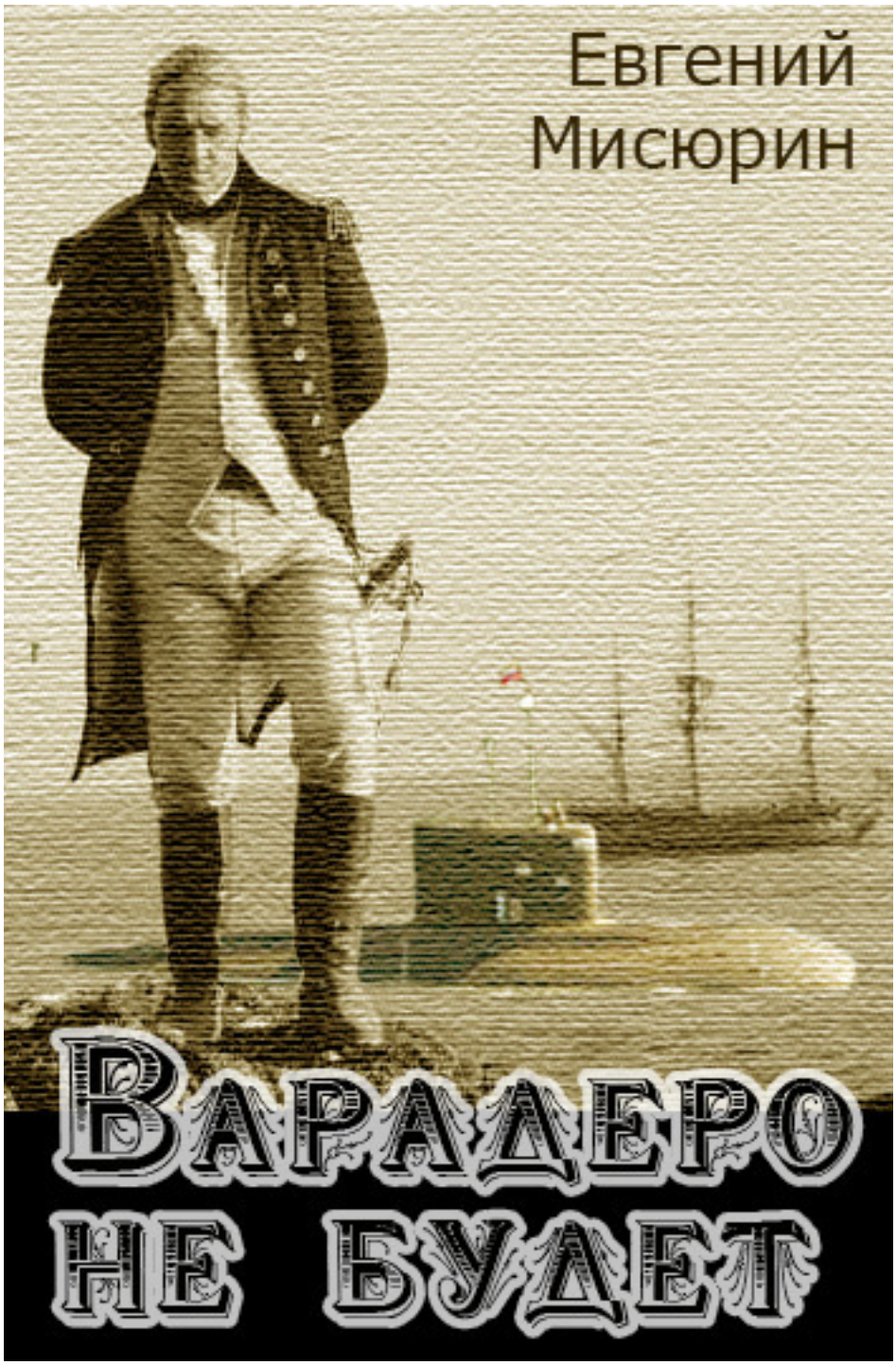
Евгений
Мисюрин
Варадеро
не будет

Евгений Мисюрин

Варадеро не будет

«Мисюрин Евгений»

2018

Мисюрин Е. Б.

Варадеро не будет / Е. Б. Мисюрин — «Мисюрин Евгений», 2018 — (Варадеро не будет)

ISBN 978-5-7205-1466-2

Мир и личность. Извечная дилемма, может ли одна личность повлиять на целый мир? Или же история так и скатится к естественному состоянию? Если отправить нашего современника с образцами новейшего вооружения, станками и технологиями, в 1904 год, то изменит ли это исход русско-японской войны, а за ней и всю революционную ситуацию в России? Или время, подобно снежной лавине, обогнёт эту преграду и покатится дальше по своему пути? А если ещё в момент переноса что-то пойдёт не так и путешественник попадёт совсем в другое время и место. И вокруг вместо доблестных моряков окажутся краснокожие индейцы…

ISBN 978-5-7205-1466-2

© Мисюрин Е. Б., 2018
© Мисюрин Евгений, 2018

Содержание

Глава 1. Преимущества советского образования 6
Глава 2. Научная теория в бизнесе 10
Глава 3. Люди – не мыши 14
Глава 4. Голь на выдумку хитра 18
Глава 5. Почём нынче люди? 22
Глава 6. Семья в наследство 26
Глава 7. Что нам стоит… 31
Глава 8. Двигатель прогресса 34
Глава 9. Курс молодого кузнеца 39
Конец ознакомительного фрагмента. 40

Евгений Мисюрин
Варадеро не будет

Для кого даже честь – пустяк, для того и всё прочее ничтожно.
(Аристотель)

Глава 1. Преимущества советского образования

Тьма. Отсутствие света, тепла, чувств. Нет ни дуновения ветра, ни шороха листьев, ни запахов, ни звуков. А если нет чувств, то есть ли вообще время? Или смерть, это как сон, лежать здесь и в то же время жить в другом месте, в ином мире? А может, попы правы, и каждого за чертой ждёт либо бородатый ключник с книгой грехов, либо рогатые с вилами?

Мысли в голову лезли неприятные, но чем ещё занять мозг, когда пальцы, можно сказать, сами паяют? А то, что все думы возвращаются к теме смерти, так неудивительно. Сколько ещё ему осталось? Павел Степанович Моторин мельком глянул влево, в полированный лист нержавейки и вздохнул про себя. Семьдесят три. Многие ли знакомые дожили до этого возраста? Из друзей точно никто. Сам держался, непонятно зачем. И так уже, зрение давно не то, да и самих глаз за мешками почти не видно, зубов осталось всего восемь. К тому же суставы каждый день будто выкручивает, особенно если накануне им хоть чуть нагрузки дать.

А умирать всё одно не хочется. Умирают старики, а какой он старик? Ну и что, что семьдесят три? Всё равно ведь Пашка. Павлом Степановичем его, помнится, только раз в месяц и называли, когда почтальон пенсию приносил. Так и не носят уже пятый год – регистрации нет. Без бумажки ты – букашка.

– Ну-ка вот сюда тебя, – Павел дрожащими пальцами запихнул-таки ножку непослушного резистора в отверстие и коротко ткнул туда разогретым паяльником.

Ну как тут умирать, когда вокруг каждый день столько нового? То компьютеры, то умная техника, теперь вот Ардуино это придумали. Это ж можно настоящих роботов строить. Ну, с роботами Пашка, может, и загнул, а вот программируемую подлодку он до ума доведёт.

Старик нехотя огляделся и улыбнулся. Семьдесят девять кубов, и всё под потолок забито, еле место под столик разгрёб. Этот контейнер уже полгода, как стал для него родным домом. Можно сказать, счастливый случай.

Моторин тогда подвизался сторожем в воскресной школе. Бесплатно, за постель на топчане, возможность готовить на кухне, и хранить немногочисленные пожитки. Деньги приходилось зарабатывать ремонтом всего на свете, от будильников до ноутбуков. Не сказать, что порядочно зарабатывал, но не голодал. Спасибо настоятелю, не запрещал ему канифолью дымить и железками греметь. Но разве это дело? Тут псалмы распевают, здесь закон божий учат, а рядом он с отвёртками. Да и священники стали намекать, что он, дескать, много за свет накручивает.

Так что, когда знакомый из гаража сказал, что важный человек ищет ответственного сторожа на охрану сорокафутовика, старик ни минуты не думал. Сразу же согласился, как только узнал, что в контейнере можно будет не только ночевать, но и работать.

Вот, сидит теперь, радуется. Если ничего не случится, через пару недель будет испытывать подлодку. Пока модель, а там, кто знает, глядишь и сам снова под воду погрузится. Старик поправил лупу в глазу, чуть придвинул лампу, чтобы светила именно туда, куда нужно, и зашарил пальцами в пластиковом контейнере с деталями. Пора было собирать диодный мост.

Створка контейнера с громким скрипом распахнулась, и внутрь ввалились двое. Первый держал в руках обрез двустволки. Он сразу же ткнул оружием старику в лицо, второй развалочку подошёл, по-хозяйски взял со стола рулон серого скотча. Потом подкинул ленту на ладони, будто проверяя вес, и повернулся к напарнику.

– Смотри, Сёмыч, какой ответственный старикан. Сам для нас изоленту приготовил.

Первый при произнесении клички дёрнулся, ствол заходил ходуном. Он начал быстро вертеть головой, пытаясь следить одновременно за жертвой и напарником.

– Ну вот чего ты? – скороговоркой произнёс Сёмыч. – Ты ещё на все гаражи моё имя орать начни. Давай быстрее, не тормози. А то…

Договорить он не успел, напарник спокойно положил тяжёлую ладонь на его плечо и успокоил:

– Да что ты менжуешься? Всё пучком будет. Ты же видишь, дедушка старый, к родственникам на свиданку не торопится. Не торопишься ведь?

Он с усмешкой глянул на Моторина. Старик покачал опущенной головой. Руки его лежали на коленях, сам сидел, откинувшись на спинку простого деревянного стула.

– Линзу забери, – старик кивнул в сторону налётчика прикрытым окуляром глазом. – Разобью – жалко будет.

Тот послушно взял прибор и довольно аккуратно уложил его на стол.

– Молодец, старик, – он похлопал Павла по плечу. – Мы не за твоей лупой пришли. И даже не за залупой.

Второй коротко и нервно хохотнул, не убирая, впрочем, обреза от лица жертвы. Первый выдвинул из-за стола стул вместе со стариком, свёл его руки сзади и трижды обмотал запястья скотчем. Потом развернул деда лицом к себе, наклонился перед ним и упёрся ладонями в колени.

– Молодец, старик. Тихо сидишь. Ты вообще не бзди, ничего мы тебе не сделаем. Ну, может, фингал под глазом поставим для достоверности, не больше.

– Да чё ты с ним возишься, чё ты возишься? – суетился Сёмыч.

Он не был уверен, что ствол можно убирать, хотя и отошёл назад, почти уткнувшись спиной в стеллаж на противоположной стене.

– Давай уже выруби этого козла, и погнали, – поторапливал он напарника.

– Уважай старость, Сёмыч, – философски заметил первый. – Этот старик, может, за тебя, дурака, воевал, а ты вот так с ним.

– Чё я дурак-то? Ты чего меня, провоцируешь? Провоцируешь, да?

– Ну а не дурак, так и успокойся. Вон, у деда учись.

Он снова повернулся к Моторину.

– Ты, дед, на нас не обижайся. Мы к тебе никаких претензий.

– Да харе триндеть! – взвился Сёмыч. – Время уходит. Давай уже ищи.

Он всё-таки положил обрез на стеллаж слева от себя и залез рукой под ящики, которыми было забито не меньше половины контейнера.

Весь остальной объём занимали листы стали, меди, алюминия разной толщины, толстостенные и тонкостенные трубы, различные провода, что-то непонятное, скрученное в рулоны. Вдоль одной из стен, той, на которую почти опирался спиной дед, один на одном стояли компактные станки. В первый же день Моторин разглядел два токарных, фрезерный, строгальный, пару прессов. Дальше исследовать не полез. Его наняли всё это охранять, а не изучать.

Первый хмыкнул, извиняясь коротко глянул на старика, и проворчал:

– Джаст бизнес, мать его.

Потом отвернулся к противоположной стене и начал выковыривать из-под труб длинный деревянный ящик.

– Смотри, Сёмыч, – негромко позвал он.

Напарник дёрнулся, выполз из проёма между ящиками и кинулся к подельнику. Тот отмахнулся рукой.

– Я говорю, смотри вот, как мы много у пиндосов переняли. Даже этот «джаст бизнес» факаный.

Сёмыч понял, что его позвали просто так, зло глянул на напарника и прошипел:

– Работай давай, хорош трепаться.

И снова забрался между ящиками.

– А я и работаю, – невозмутимо продолжал первый. – Но ведь сам посуди. Почему-то у Союза пиндосы ничего не взяли. Ни пионеров, ни бесплатные кружки. А мы у них – ого-го. Значит, не такие они и тупые, верно?

– Верно, хуерно. Давай, ищи. А то будет нам обоим, – нервно прервал Сёмыч.

Моторин слушал их перепалку вполуха. Какие-то неправильные бандиты. Нормальный налётчик что в первую голову сделает? Сторожа завалит. Ни мешать никто не будет, ни свидетелей не останется. А эти его зачем-то в живых оставили. Да ещё и связали одни руки. Большая ошибка…

С этими мыслями он вытянул пальцы назад и нашарил на станине зубчатый диск по дереву. Он сам только сегодня снял его с болгарки. Хрустя суставами и шипя про себя от боли в вывернутых пальцах, Павел разодрал хорошо отточенными зубьями скотч и освободил руки. Пока второй под ящиками…

В этот момент Сёмыч выбрался наружу и стал яростно отряхивать джинсы от пыли. Потом зачем-то взял в руки обрез и… стал самозабвенно чесать им спину. Моторин едва рот не открыл от удивления.

Сейчас оба стояли рядышком и не смотрели на него. Старик пошарил по станине в тщетной надежде, но второго диска для пилы там не оказалось. Только обычный, лазерный компакт-диск со старыми советскими фильмами. Однако, хоть что-то, подумал Моторин и резко выбросил обе руки вперёд.

Самым опасным был не тот, что с обрезом. Этот дурак и трус. Он выпустит оба заряда в первую секунду и куда попало, а потом попытается сбежать. А вот второй… В каждом его движении сквозила сила, уверенность и опыт. Поэтому надо сконцентрироваться, наплевать на боль в напрягшихся связках, на то, что в глазах уже темнеет, теперь задержать дыхание, чтобы глазомер не подвёл, и…

Зубчатый металлический диск ударил главного точно в переносицу. Бандит резко откинул голову назад, пытаясь уйти, гулко тюкнулся затылком о тяжёлый металлический стеллаж, и осел на пол. Кровь тут же залила ему всё лицо, а пила со звоном упала на пол.

Пластиковый диск шарахнул Сёмыча в лоб так, что тот на мгновение опешил. Но всё равно повел себя именно, как и думал старик. Тут же вскинул обрез и по замкнутому пространству контейнера громом прокатились два почти одновременных выстрела. По стене и станкам забарабанила дробь.

Моторин в этот момент уже падал на спину вместе со стулом. Со стороны кажется, что можно отбить затылок, спину, почки. Но на самом деле это совсем не больно. Надо только правильно падать. Держаться за стул, прижимать к нему позвоночник поплотнее и чуть наклонить голову вперёд. Полное ощущение, что после такого человек ещё долго не встанет, но на деле…

Старик рывком завалился на бок, зашипев при этом от выстрела боли в пояснице, резким движением швырнул стул в Сёмыча. Не попал, тот уже отшвырнул обрез и рванул в сторону выхода, когда спинка ударила его по ногам. Удачно. Бандит запнулся и растянулся на животе, звонко шлёпнув ладонями об пол. Голова его была как раз за порогом.

Моторин встал, схватил скотч, ловко и надёжно спеленал обоим руки и ноги, после чего посадил бандитов на пол. Сам сел напротив. Сердце колотило, дыхания не хватало, на лбу обильно выступила испарина. Павел вытянул перед собой руку. Дрожит. Правильно, не в его годы такими упражнениями заниматься. Да и сноровка давно не та. Грудь внезапно сдавила резкая боль, в глазах потемнело, старик откинулся на стенку и принялся ровно и глубоко дышать, убирая давно знакомые неприятные симптомы.

Через какое-то время белые круги перед глазами исчезли, в лёгкие начал, наконец, в нужных количествах поступать кислород. Грудь отпустило и перестало закручивать внутрь. Павел открыл глаза и печально улыбнулся. Спёкся Пашка Моторин. И на две минуты его не хватило. Он с усталой усмешкой глянул на налётчиков. Те не сводили с деда изумлённых глаз.

– Дед, ты кто?

Это спросил первый. Моторин так ни разу и не услышал его имени.

Две пары глаз с изумлением глядели на Павла. Старик открыл рот, облизнул шершавым языком губы, пару раз сглотнул, чтобы слюна смочила пересохшее от напряжения горло, и хрипло ответил:

– Юный пионер. А диски кидать научился в бесплатном кружке.

Он тяжело, помогая себе трясущимися руками, встал, и тут же схватился за стеллаж. Ноги дрожали и норовили сложиться в коленях. Моторин сделал неверный шаг, схватил со стола блистер с таблетками, судорожно вытряс пару на ладонь, закинул в рот. Потом запил холодным настоем ромашки, кипрея и шиповника из термоса. Через час возмутятся изношенные суставы, а сейчас ещё можно поставить стул на место, сесть и расслабиться.

Тяжёлый вздох, пристальный взгляд на налётчиков. Первый смотрит спокойно, но во взгляде сквозит готовность к броску. Если удастся разрезать липкую ленту, Моторину каюк. На этот раз фактор внезапности не сработает. Лицо бандита залито кровью, она лежит на веках, нос весь красный и опухший, щёки покрыты темнеющими потёками. Неплохо ему прилетело.

Второй ёрзает, то ли пытается найти положение поудобнее, то и хочет разрезать путы. На щеке небольшая царапина от диска. Сёмыч… Чего же ты так боишься, Сёмыч? И вообще, зачем вы пришли?

– А что вы хоть искали, молодёжь? – голос уже почти пришёл в норму.

Ещё пару глотков отвара из термоса и Павел почти в норме. Тело заболит чуть позже, когда совсем вымоется из крови адреналин. А пока можно и побеседовать.

– Какая тебе разница, старик? – взвивается Сёмыч. – Давай, зови ментов. И хана тебе, старый, тогда. Скажем, что ты нас похитил, пытал. Нас двое, ты один. Не отмажешься.

Бандит говорил торопливо, надеясь потоком слов убедить собеседника. Так обычно делают, когда сами не верят в свою ложь.

– Волыны у тебя здесь лежат, старый, – неторопливо ответил первый. – Так что ментов звать не советую. Тут Сёмыч прав, тебе же хуже будет.

Он повёл плечами, будто разминая затёкшие плечи, но на самом деле демонстрируя силу. Кто бы спорил, силён.

– Так что такое моё предложение, старик…

Сёмыч заткнулся и как-то скрылся в тени подельника. А тот наоборот, приподнял голову и смотрел прямо в глаза Моторину.

– Ты нас развязываешь, и мы уходим. Чтобы не боялся, можешь забрать обрез. Но советую сразу после нашего ухода его выкинуть. Так что и мы не в накладе, и ты ничего не потерял. Как тебе такое предложение?

Старик откинул спину на стул, спокойно ответил на взгляд связанного бандита, и уже нормальным, восстановившимся голосом ответил:

– Это не мне решать, посоветоваться надо.

Он запустил руку под стол и взял с системного блока мобильник. Гудок пошёл через несколько секунд после набора номера, и сразу же снаружи раздалась трель звонка. А ещё через секунду, с простым, кнопочным, телефоном в руке, в контейнер вошёл холёный мужчина средних лет с намечающимся животом, который уже не мог скрыть дорогой пиджак.

Он мгновенно оценил диспозицию, лицо его растянулось в довольной улыбке. Хозяин подошёл к сторожу и протянул ему руку.

– Рад, что у вас всё получилось. Теперь мы можем поговорить.

Глава 2. Научная теория в бизнесе

Моторин сидел в мягком кожаном кресле на колёсиках и не знал, как себя вести. Он внимательно оглядел кабинет, пытаясь понять, кто же такой, его владелец. Обычно по интерьеру сразу становится видна сущность хозяина, но не в этом случае. В помещении не за что было уцепиться взгляду. Ни тебе роскошной мебели времён Людовика какого-нибудь, ни фарфоровых ваз династии Дзынь, ни даже гамбсовских стульев. Что удивительно, книжных шкафов, и тех не было.

Пустое помещение со стенами, оклеенными светлыми обоями в шотландскую клетку. Длинный стол с десятком одинаковых кресел, в его торце второй, вершиной буквы «Т». За ним почти такое же сидячее место, но в отличие от остальных не чёрное, а бежевое.

За спинкой кресла на стене физическая карта мира и политическая карта России, над ними неизменный портрет президента. Перед местом владельца кабинета – огромный монитор, пара новеньких, но пыльных, стационарных телефонов, а на пустой противоположной стене огромный белый экран. На редкость безликое помещение.

Беззвучно отворилась сливающаяся со стеной оклеенная обоями боковая дверь и перед Моториным возник сам хозяин. Он привычно опустился в бежевое кресло и с улыбкой уставился на гостя.

– Надеюсь, вы на меня не в обиде, Павел Степанович, за это небольшое криминальное представление, – профессионально дружелюбным голосом начал он. – Но мне необходимо было убедиться, что вы полностью подходите для моего проекта.

Сиротин Серафим Викторович, пятьдесят два года, кандидат физико-математических наук, всплыли в голове Моторина данные. Так он полгода назад и представился. Вот только никогда раньше Павел не видел, чтобы простой кандидат наук имел свой кабинет, да ещё и не в институте, а в модном офисном центре. Возможно, стоило спросить, что за проект имеет в виду господин Сиротин, но глянув на ехидную ухмылку оппонента, старик передумал. Не нужно торопиться, сам всё скажет.

– Как вы себя чувствуете, Павел Степанович? Всё-таки уложить двоих бандитов в вашем возрасте непросто даже для бывшего боевого пловца.

Паша неопределённо повертел перед собой открытой ладонью, но ничего не сказал.

– Я так и думал. Даже если вы всю жизнь старались держать себя в форме, годы всё равно возьмут своё. Одышка, сердце, сосуды. Ещё и суставы, верно?

Моторин молча кивнул. Ему было непонятно, к чему клонит этот пройдоха от науки. И зачем он говорит очевидные, но заведомо неприятные собеседнику вещи. Это раздражает.

– Я бы посмотрел на вас лет через двадцать, – не выдержал старик.

– Увы, не выйдет, – невозмутимо продолжил Сиротин. – Вам сколько осталось, как вы думаете? Год, два? При самом внимательном уходе за собой не больше пяти.

– Зачем вы мне всё это говорите? Вы привезли меня сюда, чтобы издеваться над старостью? – взвился Моторин. Он уже готов был кинуться на владельца кабинета.

– Ни в коем случае, – замахал руками кандидат наук. – Наоборот, я хотел предложить вам участие в проекте, который как раз и позволит увидеть, как я буду выглядеть через двадцать лет.

Он всё с той же усмешкой глядел в непонимающее лицо старика. Моторин заметно злился. Ещё бы. Привезли непонятно куда, перед этим устроили спектакль с налётом. Да и безмятежная работа в сорокафутовом контейнере, похоже, накрылась медной каляброй. А теперь участие в сомнительной афере, о которой к тому же не сказано ни слова.

– Я могу идти? – сухо спросил старик.

На мгновение хозяин кабинета потерял свою ехидную улыбочку, но тут же взял себя в руки.

– А куда вы собрались, Павел Степанович? В контейнере вам больше делать нечего, а другого жилья у вас нет. Собираетесь тянуть свой век на лавочке в парке? Я же не просто так вам всё это предлагаю. Я хочу, чтобы вы имели все полагающиеся гражданину права. Пенсию, жильё, должность в моей лаборатории.

Сиротин обвёл рукой кабинет. На взгляд Моторина это не очень походило на лабораторию. Да и какую должность он мог предложить? Охранника? Старик встал со стула и сделал шаг к двери. Колени тут же возразили – суставы откликнулись на недавнюю нагрузку острой болью. В глазах потемнело, снова рывком скрутило внутрь грудную клетку. Павел нехотя опустился обратно в кресло. Стоило посидеть ещё немного, хотя бы до тех пор, пока не отпустит сердце.

– Выпейте, – в руке Сиротина непонятно, откуда появился стакан с водой и таблетка.

Старик неосознанно взял лекарство, привычным жестом закинул в рот, и тут же запил глотком воды. По пищеводу прокатилась холодная волна, частично смывая острую боль в груди. Павел большими глотками допил всю воду. Стало чуть полегче.

– Я не желаю вам зла. Павел Степанович. Наоборот, я хочу, чтобы вы помогли мне, я помог вам, а вместе мы, возможно, помогли России.

– Из меня сейчас помощник, да…

– Что нужно для изготовления бездымного пороха? – прервал старика Сиротин.

– Кислоты и хлопок, – машинально ответил тот.

– А вы можете сделать радиоуправляемую торпеду?

– При наличии деталей и инструмента, могу.

– А таблицу стрельбы сто пятидесяти двухмиллиметрового орудия помните?

Старик кивнул, удивлённо хлопая глазами на Сиротина. Зачем он всё это спрашивает?

– Вот вы удивляетесь, Павел Степанович, а зря. Я ведь говорил вам про лабораторию, но так и не сказал, чем она занимается. Да вы словам и не поверили бы, так что я лучше покажу.

Он поёрзал мышкой по столешнице, что-то нажал на клавиатуре, и на окна опустились плотные тёмно-бордовые шторы. Свет в кабинете плавно, как в кинозале, притух, а прямо над головой Сиротина загорелся яркий глазок проектора.

Фильм шёл недолго, но оставил неоднозначное впечатление. Началось всё с того, что однажды в лаборатории Сиротина возникла папка. Появилась прямо на столе у Серафима Викторовича. Сначала он ничего не понял, но стоило углубиться в расчёты, которые оказались в бумагах, как это перевернуло всю его жизнь. Как оказалось, папку прислал он сам. Через год положил все расчёты на платформу лично сконструированной машины и отправил себе же, но на год назад.

Больше месяца ушло только на проверку теоретической части, затем на создание лабораторной модели темпорального эжектора. А потом полтора месяца прибор никак не хотел отправлять ту же самую папку в то же самое время. Это повлекло за собой новые вопросы и новые исследования. Как оказалось, перебросить материальное тело можно лишь в ключевых временных точках и только в определённые даты.

– Время по своей природе не линейно. Оно движется волнообразно, причём длина волн всё время уменьшается. Представьте себе синусоиду, – вдохновенно пояснял Сиротин. Было заметно, что этот предмет он готов обсуждать часами. – Так вот абсцисса – это наше линейное время, которое измеряется часами. А сама волна – время реальное, так сказать то, которое проживает наш мир. И перескочить мы можем только в те точки, которые пересекают ось абсцисс. По аналогии с обычными колебаниями я назвал их нулевыми точками. Частота времени постоянно увеличивается, это замечают даже далёкие от физики люди. Скорость жизни растёт, а соответственно, точек пересечения становится больше.

– И какая вас интересует? – прервал лектора старик. Кажется, он начал что-то понимать.

– О! – Сиротин поднял указательный палец. – Интересных для нас точек несколько. Но самой важной из ближайших я полагаю лишь одну.

– И вы хотите послать меня с современным опытом в моё же молодое тело?

– Хорошая идея, Павел Степанович. – довольно улыбнулся физик. – Но увы, неосуществимая. Да и ни к чему нам это.

– Тогда? – сам того не заметив, Павел заинтересовался идеей.

Ведь по здравому рассуждению, ни для чего больше он Сиротину не нужен. Взять с нищего старика нечего, жить тоже осталось немного, но зато, при удаче, он совершит настоящее путешествие во времени. Несмотря на возраст, Павел Степанович Моторин до сих пор интересовался новостями техники, поэтому шанс прыгнуть на несколько лет назад его очень заинтересовал.

– Тогда… – отзеркалил вопрос Серафим Викторович. – Скажите, вы помните своего прадеда?

– Ну да. Мы тогда в колхозе жили, сразу после войны. Он вернулся с фронта без ноги, но ещё много лет работал наравне со всеми.

– Он был из крестьян?

Старик кивнул.

– А мой из придворных. Камергер её императорского величества. Так что деду пришлось назваться сиротой, чтобы не расстреляли. Вот такая печальная история. Не для меня печальная, для всей страны.

– И вы хотите?..

– Да, Павел Степанович. Одна из ключевых точек расположена в тысяча девятьсот четвёртом году. Аккурат двадцать пятого февраля и в десяти километрах от современного города Далянь.

– К стыду своему, мне эта дата и место ничего не говорят.

– Сама эта дата ничего не значит, – продолжал любимую тему Сиротин. – А вот восьмого марта в Порт-Артур, который сейчас называется Далянь, прибывает кораблестроитель Кутейников. Как вы думаете, что будет, если инженер Моторин поделится с ним некоторыми технологиями и материалами?

– Но что нам даст победа в этой войне? Насколько мне известно, она уже ничего не решала.

– Вы не правы! Не правы, Павел Степанович! – физик не на шутку распалился. – Именно поражение в войне с Японией привело к развитию революционной ситуации в Российской империи. Именно этот позор повлёк за собой и бунт пятого года, и реформы, и в конце концов, кровавую революцию.

Старик опустился в кресло. Он долго молчал, потом пристально посмотрел на Сиротина.

– Вы ведь ещё не испытывали свою установку на людях? – подозрительно спросил он.

Хозяин кабинета долго ёрзал мышкой по столу, не глядя на гостя, потом махнул рукой в сторону экрана.

– Вот, – тихо произнёс он, не поднимая глаза.

Следующий фильм описывал отправку в прошлое лабораторных мышей. Как оказалось, перенос положительно влияет на их здоровье и самочувствие. Даже старые, двухлетние особи при отправке более, чем на сутки, полностью восстанавливали здоровье, способность к воспроизведению потомства, и продолжительность их жизни порой удваивалась.

– А люди? – не сдавался Моторин.

Сиротин не отвечал. Он нервно барабанил пальцами по столу, пристально глядя в экран компьютера. И тогда старик понял.

Опыты на людях ещё не проводились. Предпосылки хороши, но добровольцев не нашли. А он подходит под это по всем статьям. Жить Пашке Моторину осталось недолго, а в случае успешного переноса есть шанс вернуть молодость, пусть даже частично. Ну и кроме того, если опыт не удастся, то его никто не хватится.

Чувствовать себя подопытным кроликом было очень неприятно, но в сознание всё более настойчиво стучала мысль о том, что появился шанс не только слетать в прошлое, но и может быть восстановить здоровье. Вот только что он будет делать потом, когда эксперимент закончится?

– Вы говорили, что это на месяц, – напомнил он Сиротину. – Но так и не сказали, как я вернусь обратно.

На этот раз хозяин кабинета посмотрел на гостя открытым, радостным взглядом. Видимо, этот вопрос был решён.

– Совершенно верно, Павел Степанович, – с улыбкой сказал он. – В контейнере установлен маячок, который позволит отслеживать ваше положение не только во времени, но и в пространстве. Именно с помощью него мы выдернем контейнер обратно. Главное, чтобы вы в нужный момент были внутри. Я планирую, что на операцию нам достаточно месяца.

– Трёх, – коротко поправил Моторин.

– Почему?

– Если там будет этот коробейник, то дай нам бог за три месяца уложиться. Пока разъясню, пока модель соберём, испытаем. Ну, а если историки ошиблись, и он приехал позже, или вообще в Москве остался, то мне придётся всё самому. А это займёт никак не меньше времени.

– Но три не получится! – несколько испуганно возразил Сиротин. – Следующая ключевая точка только через год.

– Год, так год, – не стал спорить Моторин. – Если здоровье поправится, то почему бы нет? Поживу там, глядишь, нашим на фронте чем помогу.

Глава 3. Люди – не мыши

Моторин сидел на надувном матрасе возле ворот контейнера и смотрел на суетящегося над порогом Сиротина. Состояние было как перед первым погружением. Вроде бы всё предусмотрено, но в руках дрожь от волнения, в голове сами собой возникают пункты, которые следует не забыть, сердце колотится так, что отдаёт в ушах. И что-то ещё, что следовало сделать, но оно совершенно вылетело из головы.

Старик повернулся к физику и спросил то, что давно хотел, но забыл за ворохом свалившейся информации.

– Серафим Викторович, а чем ваша лаборатория занималась до временных разработок?

– Ох, Павел Степанович, я совсем запамятовал, – он выпрямился и залез во внутренний карман пиджака.

Порылся и достал оттуда обычную на вид батарейку несколько туалетной маркировки «АА».

– Вот! – гордо произнёс он.

Понятно, что обычный аккумулятор не вызвал бы в лице кандидата наук такой вспышки гордости, поэтому Павел взял изделие в руку, внимательно осмотрел. Хорошо бы очки, но и без них видно, что наклейка выполнена кустарно, на обычном принтере, содержит сведения об изготовителе – «ООО Грабат», вольтаж, два и три десятых, и ёмкость. Здесь глаза старика полезли на лоб, потому что либо в маркировку закралась ошибка, либо эта мелочь действительно выдаёт целый киловатт.

– Как? – только и спросил он.

– Испанская разработка. Графен. Они представили её ещё в пятнадцатом году, тогда же началась распродажа участия в проекте. Подключились, как обычно, китайцы, немцы, ну и России достался небольшой участок. Так что технологии были переданы в нашу лабораторию, ну, а мы их немного доработали под бытовые нужды. Двадцать таких батареек сейчас могут заменить обычный автомобильный аккумулятор. Опять же, время зарядки у этой игрушки всего три минуты.

– На весь киловатт?

– Абсолютно. Я, Павел Степанович, положил вам почти весь наработанный запас изделий и спецификацию к ним.

– Сколько? – голос от возбуждения хрипел.

– Триста одиннадцать штук. Больше, увы, нет.

Старик помолчал, потом с надеждой спросил:

– Как вы думаете, получится изготовить подобное в реалиях начала двадцатого века?

– Очень сомневаюсь. – Сиротин покачал головой, но в глазах его светилась гордость.

– Жаль. Можно было сконструировать полностью электрическую подлодку с неплохим запасом автономности, если бы удалось собрать хотя бы тысячу таких аккумуляторов.

– Увы, Павел Степанович, увы. Мы и так можем выдавать не больше двух единиц продукта в день. А у нас ведь ещё и заказы. Так что постарайтесь уложиться в рамки существующего. Вы опись содержимого уже прочли?

– Только просмотрел. К сожалению, на детальное изучение не хватило времени, уж больно всего много.

– Значит, первым делом её и изучите, – Сиротин потёр ладони и с азартом посмотрел на Моторина. – Ну? Готовы?

– Запускай, боярин, свою бесовскую машину, – фразой из фильма ответил старик и махнул рукой.

– Тогда я вас запираю, Павел Степанович. Не забудьте, ворот – вот он, в нижней части.

Физик подёргал примитивный металлический запор в виде поворотного засова с приваренной металлической дверной ручкой и снова посмотрел на Павла.

– И не волнуйтесь. Всё будет хорошо, и через год я вас заберу. Таймер я уже взвёл, а теперь, до свидания.

Он ещё секунду переминался с ноги на ногу, то ли не решаясь обнять старика, то ли оттягивая до последнего момент выхода из контейнера. Наконец, перешагнул порог, задвинул обе створки и со страшным скрипом завернул запор. Моторин остался один.

Павел оглядел ставший за полгода привычным контейнер, улёгся на надувной матрас, как советовал физик, и постарался выбросить из головы все мысли. Снаружи раздался лёгкий гул, понемногу повышающий тональность, тяжёлый сорокафутовик завибрировал, сначала незаметно, но всё больше набирая амплитуду, наконец, раздался звук лопнувшей автомобильной рессоры и всё мгновенно стихло.

Не было ни движения, ни звука, само время и то не ощущалось. Изменилось освещение. Тусклая лампочка под потолком вместо мягкого жёлтого сменила частоту на режущий глаза синий свет. Старик с ужасом почувствовал, что даже его вес стал иным. Теперь тело весило не меньше тонны. Даже пошевелить пальцем он теперь не мог. Веки, и те не двигались, и глаза сразу же начало безбожно щипать. А ещё через секунду Моторин понял, что он не дышит. А когда прислушался к собственным ощущениям, заметил, что и сердце не бьётся.

Жаль, что я не пережил переноса, печально подумал старик. Или уже не старик? Интересно, после смерти возраст сохраняется, или каждый получает возможность выбрать себе любой подходящий?

Павел осознал, что в теле у него ничего не болит, но и пошевелить он не может даже глазами. Более того, взгляд, так ни на чём и не сфокусированный, остался направлен в неопределённую точку пространства, охватывая лишь нечёткие образы стоящих у стены станков, задней ножки стула, лампочки над входом, и чего-то непонятного, неизвестно как висящего над порогом. Через какое-то неопределённое время Моторин понял, что это зависшая в воздухе неподвижно бумажка.

И тут всё кончилось. Раздался глухой удар, и голова старика по инерции провалилась в гулкое нутро матраса, а тело подпрыгнуло, спружинив. Листок бумаги завершил свой изломанный полёт и опустился на пол, а трубы в дальнем конце контейнера отметили окончание путешествия дружным негромким звоном.

Вновь появилось чувство тяжести, где-то снаружи послышались еле различимые звуки, лампочка вновь светила уютным жёлтым светом. Тело снова дало о себе знать лёгким прострелом в печени, ускоренным пульсом и дыханием. Глаза долго не могли проморгаться.

Живой. Моторин кое-как поднялся на четвереньки и в несколько приёмов отвернул запор на двери. Внутрь тут же ворвался свежий, пахнущий лесом, воздух, послышался оглушительный птичий крик, а в глаза ударило ослепительное летнее солнце.

Это было последнее, что запомнил старик, потому что в следующее мгновение он уже жалел, что перенёс путешествие во времени, а не умер так тихо и безболезненно по пути. Сначала скрутило сердце. Оно рвалось из груди, поднимая частоту биения до отсечки, а грудная клетка сворачивалась внутрь, стараясь удержать на месте непослушный мотор. Каждый удар отдавался молотом в голове, ушах, ногах, животе. Потом в хор включилась партия печени и Павел скрутился в другом направлении, стараясь ладонями удержать от боли рвущийся в клочья орган. Но вместе с печенью начали ныть почки, поджелудочная, о существовании которой старик до сих пор не догадывался. Затем огнём разгорелись лёгкие, а в жилы кто-то запустил вместо крови жидкий свинец.

Моторин кричал, не в силах терпеть охватившую всё тело боль, но голос тоже подвёл, связки выдавали какой-то нечеловеческий скрип. Из носа потекли сопли, из глаз слёзы, из ушей, кажется, тоже начала сочиться какая-то гадость. Старик катался по надувному матрасу,

не в силах оставаться на месте хотя бы секунду, пытаясь найти положение, в котором было бы терпимо чувствовать этот ужас. Но такое положение никак не находилось. Болело всё тело, начиная от пяток, до, кажется, корней волос.

Зудели и ныли глаза, норовя выскочить из орбит. Разрывалось на куски лицо, чего вообще никогда в жизни не было. Давала о себе знать каждая мышца и каждый сустав. В животе вообще наблюдалось несколько очагов боли, она накладывалась на круговорот кишок… Моторина вырвало. Потом ещё раз. Он лежал в луже рвоты лицом, не в силах даже сдвинуться.

С этого момента в организме будто прорвало плотину. Чих, кашель, рвота, пот выносили свои отходы из измученного тела. Через минуту к ним подключились другие органы. Старик впервые с годовалого возраста обделался, причём несколько раз подряд. Если добавить к этим ощущениям обильно сочащийся сквозь поры пот, нескончаемую слюну, боль, пронзающую при каждом малейшем движении, да и без такового…

Сколько продолжалась эта мука, старик не знал. Кричать он уже не мог, оставалось лишь скрипеть зубами. Но предатели зубы от такой нагрузки повылетали в первую же минуту, а может час. А может вообще вечность. Сколько времени он терпел это состояние, Моторин не представлял. Мысли в голове возникали обрывками и пропадали до того, как он успевал их полностью понять.

Наконец, не вынеся муки, Павел Степанович потерял сознание.

Очнулся Моторин от невыносимого голода и жажды. Но как только открыл глаза, в нос ударила жуткая вонь. Павел одним прыжком вылетел из контейнера, с гулким стуком распахнув по пути тяжёлую створку, и его тут же скрутил приступ рвоты.

Ещё бы, печально подумал старик. Меня же несло изо всех технологических отверстий. Надо бы помыться. Там где-то была пара пятилитровок с водой. В этот момент в ушах послышался плеск недалёкого ручья. Стоп! Зачем пятилитровки? Это же начало двадцатого века. Экология. Вода чистая. Лучше всего будет вымыться в ручье. Моторин мгновенно сбросил стоящую колом изгаженную одежду и голышом рванул в сторону воды.

Бежалось легко, как раньше. Наверное, местный воздух оказал своё целительное воздействие, но Павел пробежал двести метров по редкому лесу за какие-то секунды. Наконец, впереди блеснул в лунном свете поток, и Моторин с размаха бросился в воду. На лету мелькнула мысль, что он может попасть на корягу, удариться головой о камень, но через мгновение тело погрузилось в нирвану обжигающе холодной воды.

Смыть с себя грязь и нечистоты, почувствовать, наконец, чистую воду всеми порами отмытого тела, лечь, расслабиться, и ощутить приливающую к мышцам силу. Какое блаженство. Старик пролежал в потоке не меньше получаса, выставив наружу только лицо. Наконец, поднялся, с удовлетворением отметил, что все неприятные ощущения, мучившие его неизвестно какое, но невероятно долгое, время, бесследно прошли, и легко, пружинящим шагом, вышел на берег. Оставался ещё один момент. Выстирать одежду, вымыть надувной матрас и провести приборку в контейнере.

К утру всё было сделано, одежда развешена сушиться, матрас приколот за резиновые проушины веточками, чтобы не сдуло ветром. Сам же хронопутешественник нашёл в свете восходящего солнца десяток сухих дубовых веток, развёл небольшой костёр и теперь варил в походном котелке макароны по-флотски с консервированной тушёнкой. На душе было легко.

Макароны кончились внезапно. Казалось бы, вот только что взял алюминиевую ложку и начал есть, как заметил, что скребёт уже по донышку. И не сказать, что голод полностью утолил. Моторин подхватил котелок и рванул в сторону ручья. Из второй банки следовало сварить шулюм. А пока нехитрая еда будет готовиться, определить свои координаты. Теоретически они должны примерно равняться тридцати девяти градусам северной широты и около ста двадцати одного градуса восточной долготы. Точно, с минутами, всё записано в ноутбуке, и когда старик

вычислит точное место попадания, останется только спускаться на юго-восток, к людям. К нашим, русским людям.

В начале прошлого века, как ни странно, над планетой не кружилось ни одного спутника, так что навигатор ничем помочь бы не смог. Оставалось вычислять по старинке, но Моторин был к этому готов. Секстан установлен строго горизонтально, место выхода солнца заботливо отмечено чертой на земле, солнечные часы, а точнее, ветка, торчащая вертикально вверх, на всякий случай воткнута в грунт. Выходит, не далее, как завтра, широта будет более или менее определена. Ну, а ночью, по звёздам, можно будет высчитать и долготу.

Хорошо, что точно известна дата и время появления. Часы заранее выверены, а значит, можно не сомневаться, что солнце встало ровно в шесть часов, двадцать минут.

Следующие два дня и две ночи Павел Степанович посвятил измерениям координат, а последующие за ними три – проверке и перепроверке. Измерения, таблицы, карты звёздного неба, расчёты, и снова, измерения, таблицы, карты, расчёты… По всему выходило, что либо приборы врут, либо Земля за сотню лет изменила не только свой наклон, но и положение в пространстве, либо он попал немного не туда. Ну, как немного… Вместо юго-востока Азии звёзды уверенно показывали Северную Америку. Правда, тоже юго-восток. Где-то в районе штата Теннесси, если верить заложенным в ноутбук картам.

Только убедившись, что находится совсем не там, куда направлялся, Павел Степанович Моторин позволил себе отвлечься. Следовало хорошенько обдумать ситуацию и решить, что же делать дальше. Так что старик заварил себе любимого чая из ромашки, шиповника и кипрея, сел за ставший привычным рабочий стол, и впервые за последние дни бездумно посмотрел куда-то вперёд, ни на чём особенно не фокусируясь.

Но тут же напрягся. В контейнере явно был кто-то ещё. Прямо на Моторина с листа полированной нержавейки смотрел смутно знакомый молодой человек. Чёрные, чуть вьющиеся короткие волосы, лёгкая небритость, тёмной вуалью закрывающая широкие скулы и квадратный подбородок… Где-то он уже видел это лицо. В памяти возник запах хозяйственного мыла и пасты ГОИ, звук бритвы, скользящей по кожаному ремню… Точно. Это лицо он видел множество раз в зеркале, когда брился перед утренними построениями. Всё-таки получилось!

Только сейчас старик… хотя какой уже старик? Снова молодой человек! Так вот, только сейчас Пашка Моторин сообразил, что давно уже у него ничего не болит, сквозь пустые дёсны, как в детстве, пробиваются новые крепкие зубы, а глаза видят настолько чётко, что он легко может сосчитать количество лапок у сидящей в двух метрах от него мухи. Ручей, вспомнил Моторин. Мне по звуку казалось, что он метрах в десяти, а бежать пришлось не меньше двухсот. Значит, и слух пришёл в норму.

– Ну, спасибо тебе, Сиротин, – со счастливой улыбкой сказал бывший старик.

Глава 4. Голь на выдумку хитра

Следующую неделю Павел Степанович в основном ел. Точнее, не ел, а Жрал. Вот так, с большой буквы. Организм в процессе преобразования сжёг не только все жировые запасы, но и изрядно подточил мышечную массу, и так невеликую у бывшего старика.

Глядя в лист полированной нержавейки, заменявшей зеркало, Моторин теперь видел, как он сам утверждал, «дистрофана». Вес упал до сорока одного кило, рёбра, таз, и ключицы торчали так, что можно было изучать анатомию, основным элементом ног были узловатые коленки, непропорционально большие по сравнению с тощими бёдрами и голенями, и огромные, широкие лапы. Для восполнения массы организм просил пищи. Постоянно.

Так что день начинался с дежурного бутерброда с тушёнкой. После первого завтрака Моторин бежал заниматься. Теперь, в молодом состоянии, даже остаток мышц выполнял силовые упражнения лучше, чем в прошлом, старом виде. Но вот растяжка пропала напрочь.

Поэтому Пашка хватал пару камней килограммов по пять и нёсся с ними по пересечённой лесной местности десять километров. Затем полноценная тренировка на растяжку и работу всех групп мышц по очереди, водные процедуры в холодном ручье, и наконец, долгожданный второй, плотный, завтрак.

Первым из кулинарного марафона выбыл хлеб. Банально заплесневел. Из десяти взятых с собой буханок удалось съесть только шесть. Остальные пропитались сине-зелёными грибами и стали пригодны только для добычи пенициллина. Выкидывать их Павел не стал, но и травиться пропавшим продуктом тоже не решился.

Следующей с дистанции сошла вермишель. Моторин раньше не представлял, что можно за неделю умять десять кило макарон. Раньше, в пожилом возрасте, этого количества вполне хватило бы как минимум на полгода. А тут, бухнул в котелок, тушёнки намешал, глядишь, и нет ничего. А сам, как и не ел.

Кстати, тушёнка тоже приелась. Всё чаще в своих фантазиях вновь молодой Пашка видел исходящий соком жареный кусок мяса. Небольшой, килограмма на три. Или на пять.

Так что неудивительно, что, заметив при очередной пробежке оленя, первые мысли его были на тему шашлыка.

Моторин нёсся по лесу, легко огибая огромные, в три обхвата дубы. Затем бросил камни и рывком разогнался, толкнулся стопой о комель на высоте метра, прыжок, схватился за ветку, та даже не шевельнулась под его массой, раскачался, бросок, приземлился на ствол, присед в полёте, снова прыжок, и вот он уже стоит на толстой развилке метрах в трёх над землёй. Эдакий лесной паркур.

А под деревом удивлённо глядит на прыгуна коричневый в белых пятнах, лопоухий безрогий олень. Жуёт себе что-то, поводя в стороны бурым, ноздреватым носом. Моргнул пару раз чёрными пышными ресницами, тряхнул головой, и унёсся в чащу. И прибить-то его нечем.

Сначала Моторин собирался сделать для охоты копьё. Даже нашёл подходящую палку, целый день кидал её в цель, нарабатывая меткость. Но уверенное поражение можно было обеспечить не далее, чем на пятнадцати метрах. Ходовые испытания показали, что настолько беспечные звери в лесу не водились. Зато из копья получились отличные дрова для костра.

Следующей задумкой был лук. А что? Оружие, можно сказать, проверенное веками. Вот только для него пришлось долго искать подходящую древесину. А когда можжевеловая ветка почти в человеческий рост, наконец, нашлась, оказалось, что её ещё надо пару дней сушить, причём, в тени, не под прямыми солнечными лучами, вырезать, кипятить, сгибать, шлифовать… А ещё стрелы. Найти прямые ветки подходящей длины и толщины не получилось, и Пашка просто привязал к десятку подходящих метровых веточек груз, повесил их вертикально сушиться над углями. Через пару часов боезапас был пригоден к доработке.

Проще всего оказалось с тетивой. В контейнере хранилась толстая леска, двухмиллиметровка. Неизвестно, на какую рыбу рассчитывал Сиротин, но килограммов двести леска держала легко. А сплетённая вчетверо, она дала отличную тетиву.

Наконечники легко получились из обрезков пустых банок, с перьями среди деревьев тоже не было проблем. Всё бы хорошо, если бы Моторин умел пользоваться тем, что создал. Как он ни старался, дальше, чем на двадцать метров стрелы в цель не летели. Точнее, попадания были, но либо в край мишени, либо неглубоко. Попытка добыть таким образом вожделенного оленя удачи не принесла. Первая стрела легла точно, куда целился – в бок, туда, где предположительно находилось сердце будущего шашлыка. Но, не пройдя глубоко в тушу, стрела только легко подранила животное. Как и следовало ожидать, жертва одним прыжком унеслась в чащу. Вторая стрела, спешно пущенная вдогонку, лишь насмешливо скользнула по крупу.

Целый день провёл Моторин в лесу впустую и вынес оттуда только понимание того, что способ охоты следует сменить. Всю следующую тренировку он выдумывал варианты добычи дикого мяса.

Помогли солёные крекеры, пачка которых лежала среди продуктов и успешно подъедалась хронопутешественником. Они и стали приманкой. А леска, та самая, толстая, пошла на силок.

Недалеко от места, где впервые встретился в лесу олень, рос подходящий дуб. Подходящий, потому что в нескольких сантиметрах от земли у него из ствола торчал обломок сучка. Туда и пошла леска.

Итак, пяток крекеров на покров из прелых листьев и редкой тонкой травы, вокруг него на тоненьких веточках в тридцати сантиметрах над землёй широкая петля из лески. Если не знать, то с трёх шагов незаметно. Дальше леска через сучок поднимается к ветвям дуба, где и сидит непосредственно охотник.

Перед этим Моторин тщательно вымылся, ополоснулся отваром местных трав, и теперь надеялся, что человеком от него не пахнет. Выбрал удобное место, свесил ноги, откинулся на ствол и положил на колени бывший лук с привязанным к нему концом лески.

Ждал почти до вечера. Уже на закате, привлечённые запахом соли, к приманке подошли трое. Самец с маленькими, в две веточки, рожками, и с ним пара самок. Мужик, как и положено, полез пробовать первым. Еле сдерживая дыхание, Пашка дождался, пока рогатый сунет морду в петлю, после чего выдернул дрожащей рукой из ветки нож, и прыгнул, сжимая лук в руке.

Леска, привязанная к середине лука, послушно затянула петлю на передней части морды копытного. Самки в испуге синхронно прыснули в стороны, прячась за деревьями, а самец попытался поднять голову, но законы физики были против. Зацепленная за сучок леска неумолимо волокла его по земле, сдирая шкуру с оленьей морды и оголяя бледно-розовые кости черепа.

Душераздирающее зрелище. Моторин приземлился рядом с добычей и без промедления вонзил в неё нож. Клинок вошёл глубоко, на зависть любой стреле. Туша пару раз дёрнулась, и затихла. Всё. Добыча. Охота удалась.

Пашка вскочил на ноги и в порыве радости сплясал вокруг мёртвого оленя какую-то невероятную в своей дикости джигу. Затем связал добыче задние ноги, подвесил головой вниз на ближайший сук и начал свежевать.

Мясо кончилось ещё через четыре дня. Что такое двенадцать кило парной оленины для молодого, вечно голодного организма? Правильно, несколько порций хорошего бифштекса. Так что вскоре свежатина была успешно доедена, а на смену ей пришли мысли.

Сидеть здесь Моторину целый год. А значит, нужно пережить зиму. Сейчас, когда ночи тёплые, он успешно ночует в металлическом контейнере. Но в Теннесси зимой стоят морозы. И тогда для зимовщика остаётся два выхода. Либо строить свой дом, либо идти к людям.

Из книги о Томе Сойере Пашка помнил, что прийти в городок той поры, чтобы наняться на работу с предоставлением жилья, считалось нормальным. Например, пойти в помощники к кузнецу. Да хоть и за скотом ухаживать, он готов на любую работу. Правда, в книге описывался городок на реке Миссури, но какая, в принципе, разница? Кроме того, Моторин очень надеялся, что Штаты начала двадцатого века в большой степени состояли из эмигрантов первой волны, а значит, человек, говорящий по-английски с его чудовищным акцентом, не будет тут же принят за шпиона.

Вопрос, когда к ним идти, к людям. Сейчас, в преддверье лета, не очень-то и хотелось. Начинается интересная пора, когда можно и на рыбалочку с охотой сходить, да и вообще, адаптироваться. Но, вместе с тем, если выйти к людям поздно, то можно не найти подходящего рабочего места.

А ещё, пришла ему в голову неожиданная, но очень смелая мысль, можно поискать, например, золото. И тогда приехать в город не нищим в поисках работы, а небедным старателем. Идея намыть в песке золотишка возникла, когда он увидел характерный блеск на дне ручья, утром, во время водных процедур. Правда, Моторин никогда не слышал, чтобы в штате Теннесси добывали жёлтый металл в промышленных масштабах. Но зато было известно, что разовые самородки небольшого размера появляются иногда в самых неожиданных местах. Даже в излазанных вдоль и поперёк кавказских горных реках.

Два дня он делил своё время между промывкой возможного золотого песка и сиденьем на ветке дуба в ожидании следующей порции оленины. К сожалению, не удалось ни первое, ни второе. Да, самородок нашёлся, но всего один, весом ровно двадцать три грамма, если верить электронным весам. Как ни нырял старатель, как ни разгребал речную гальку, заветного блеска больше не было. Да и песок на излучине не принёс ни крупинки благородного металла. Единственной полезной находкой оказалось множество кусков гематита, судя по блеску, очень богатого. Так что, если Моторин решит заняться сталеварением, у него под рукой окажется великолепная железная руда.

Хитрые олени, похоже, догадались, что бесплатные крекеры бывают только в силках, и старались больше не встречаться с Пашкой. Пару раз он видел их уши, торчащие над кустами, иногда мелькала за толстым стволом вожделенная пятнистая оленья задница, но в ловушку копытные категорически не шли. От отчаяния Павел даже возобновил охоту с луком, но, растеряв за один день все стрелы, бросил это занятие. Две унёс в своём теле на редкость живучий олень, а три сломала семья кабанов, просто прогулявшись по ним. Стрелять в этих монстров Моторин даже не пытался.

Одно время хронопутешественник был близок к тому, чтобы распотрошить оружейный сейф в контейнере. Надо заметить, что Павел Степанович старался использовать заброшенные вместе с ним в прошлое ресурсы очень бережно. Ведь понятно же, что после неудачного опыта Сиротин обязательно постарается отправить его ещё раз, уже в нужное место. И если при возвращении окажется, что Моторин почём зря растрынкал весь боезапас, то может возникнуть конфликт. Опять же, из оружия присутствовали два автомата, АК пятьдесят восьмого года выпуска, «Ксюха» АКСУ, и винтовка Мосина, которая на поверку оказалась совсем почти годной, но тронутой коррозией, и с половиной приклада. Патронов в общей сложности не набиралось и трёх сотен, если сложить все калибры. Не очень вдохновляющий арсенал. Хорошо, хоть был какой-никакой ЗИП.

Оставалось мастерить самострел из подручных материалов. На эту мысль Моторина натолкнула опись. В ней указывалось немалое количество цилиндрических ниодимовых магнитов. В сочетании с графеновыми аккумуляторами они могли дать неплохой результат.

Первое, что сделал хронопутешественник, это собрал из цилиндров шток, насадил на него тугую немагнитную пружину и подобрал подходящего диаметра трубку. Потом намотал на трубку сорок витков толстого медного провода и подключил аккумулятор. И тут же получил

удар в живот такой силы, что долго не мог продохнуть. Катушка пуляла магниты с приемлемой скоростью. Стрелять, конечно, таким образом было нельзя. Разве что, взводить…

Подходящая дубовая ветка нашлась легко. Два часа работы, и готово ложе, в казённой части которого закреплена катушка. Пружина надета на магнитный шток, конец закрыт сточенными до нужного диаметра двумя десятирублёвыми монетами. Собран простейший спусковой механизм на обычной пружинной защёлке. Батарея подсоединена, нажатие кнопки, шток, преодолевая сопротивление пружины, движется назад, и казённая часть дубового ложа с треском отламывается.

Электромагнит получился очень сильный, но, похоже, дерево для такой конструкции совсем не годится. Пришлось использовать бронзу. Сталь нельзя – магнитная. Бронзы в контейнере не нашлось, но зато были медь и олово. А также набор из десяти разнокалиберных графитовых тиглей. Закоротить на графит пару батареек – дело нескольких минут. Дольше медную проволоку на мелкие кусочки кромсал. Чуть не начал плавку, когда вспомнил, что стоило сначала продумать конструкцию целиком и подготовить модель под отливку. Так что включил ноутбук и уселся за автокад.

На следующий день электромагнитный самострел был готов. Хороший, двадцатизарядный, с полированным закрытым направляющим каналом. Сначала Пашка хотел использовать для болтов магазин от «Ксюхи», но не сложилось. Либо заряды норовили выскочить в направляющий жёлоб все разом, либо застревали, и тогда случалась осечка. Так что пружина пошла модели Калашникова, а вот обойму мастер придумал свою, в один ряд.

Боёк на обратном ходу сдвигал назад тонкую алюминиевую планку, в образовавшуюся щель поднимался один болт, после чего планка, соскочив, становилась на место. Таким образом вопрос с осечками был решён. Единственное, что не устраивало самородного оружейника, это выскакивающий в лицо магнитный шток. Пришлось мастерить какой-никакой приклад.

В результате, самострел получился на десять сантиметров короче «Ксюхи», зато на полкило легче, если без заряда. Боеприпасом к нему служили деревянные десятисантиметровые стрелки с бронзовыми наконечниками. Пашка долго возился с их конструкцией, решал, как приделать оперение, чтобы стабилизировать полёт, но так и не смог преодолеть проблему застревания перьев в обойме. В итоге плюнул, и на токарном станке проделал в стрелках винтовые прорези. Получилось неплохо.

Первую стрелу он потерял сразу же. Выстрелил в дуб с двадцати метров и не смог вынуть полностью ушедший в дерево боеприпас. Пришлось у следующих делать круче угол заточки наконечника. Но это даже к лучшему, больше останавливающее воздействие.

Дальность полёта болта удалось вычислить очень примерно. Больше пятисот метров. Найти заряд так и не получилось. Зато убойная сила оказалась не меньше, чем у пресловутого «Пустынного орла». Первый же выстрел с ветки вниз пробил тушку несчастного животного насквозь. Ну и что, что это был барсук, всё равно болт на полметра ушёл в землю. В результате переточек угла наконечника методом проб и ошибок, следующий снаряд впечатал матёрого кабана рылом в землю. И это при условии, что болт потом пришлось выковыривать из свиного мозга.

А главное – мясо! Теперь Моторин не волновался. Стрелять из пулевого, или в этом случае из «болтового» оружия у него получалось куда точнее, чем из лука. Главное – аккумуляторы заряжать. А то одного хватало всего на полсотни болтов. Но конструктор не унывал. Надо будет – он и водяное колесо в ручей опустит, и генератор к нему приладит. Зато теперь, глядя в зеркало, Павел видел уже не жертву анорексии, а мускулистого молодого человека.

Глава 5. Почём нынче люди?

В таком ритме незаметно прошёл месяц. Моторин по утрам выбегал на тренировки, умудряясь в конце подстрелить что-нибудь на обед. Лес за это время стал ему гораздо роднее. Деревья всё больше напоминали Пашке тренажёры, да и передвигался он чаще всего не по первому этажу, а по второму, среди ветвей, иногда оглашая чащу криком, который сам же считал боевым кличем Тарзана.

Вопрос питания тоже нашёл своё решение. При глубоком обследовании дубы оказались гораздо более населёнными. Кроме оленей, которых, кстати, паслось совсем немного, встречались среди деревьев кабаны, множество сурков и им подобных высококалорийных грызунов, которых очень удобно было расстреливать с нижних веток. Также в рацион хронопутешественника попали различные птицы от банальных уток и до тетеревов.

Напрягало отсутствие хлеба и специй, но сделать пока с этим было ничего нельзя. А ещё деятельная натура снова молодого человека требовала занятия. Даже будучи стариком, Моторин никогда не сидел сложа руки, а уж получив кипучее энергией юное тело, совершенно не собирался просиживать весь год без интересного дела.

Сначала он задумал установить на ручье водяное колесо для зарядки батарей. Даже прикинул расход алюминия, подшипников, проводов и прочих материалов. Но снова решил не вступать в возможный конфликт, поэтому потратил целую неделю на то, чтобы собрать конструкцию из дерева. Уверенность в правильности решения придал тот факт, что дуб совершенно не подвержен разлагающему действию воды, а наоборот, проведя в ней долгое время, становится тёмным и твёрдым. Так что из контейнера пришлось взять только подшипники и провода. Даже шестерни получилось вырезать дубовые.

Батарейки охотно заряжались и ещё через неделю можно было не опасаться остаться без электричества. Что-то нужно было делать дальше. И тогда Моторину пришла в голову гениальная идея.

Если в начале лета ехать в город рано, а осенью поздно, то стоит съездить сейчас. Например, продать самородок, а заодно присмотреться. Пашка открыл карты и радостно отметил, что в двадцать первом веке совсем рядом, всего в паре сотен километров, расположен город Чаттануга. В голове сама собой заиграла знакомая с детства джазовая мелодия, и в Чаттанугу захотелось ещё сильнее. Судя по данным из ноутбука, основан он в середине девятнадцатого века, а сейчас, может, там уже и знаменитый «чу-чу» ходит. Правда, по реке до города придётся добираться сквозь лабиринт притоков и проток, поэтому надо как-то отмечать пройденный путь.

На следующий день были готовы двадцать досок с указателями в виде стрелок. Моторин планировал прибивать их к деревьям там, где русла будут сливаться, чтобы на обратном пути точно знать, в какое из них заворачивать. Ещё день ушёл на изготовление уключины и винта. На надувной лодке был транец, но рассчитанный на обычный подвесной мотор. Которого, по старой русской традиции, в контейнере не оказалось.

Зато нашлась аккумуляторная дрель, переоборудованная под графеновые батарейки. Расчёты показали, что трёх аккумуляторов инструменту хватит на семьсот двадцать часов работы с полной нагрузкой. Целый месяц. А значит, можно вставить в дрель метровый шток, на конец ему приделать винт, а к транцу прикрутить уключину с подшипником. И лодка готова.

Винт был отлит из алюминия. На уключину пошла стальная полоса. Три часа работы и, казалось бы, можно отправляться. Но только если не задумываться о питании. Так что следующий день Моторин посвятил копчёному мясу. Много брать не стал, пяти килограммов должно хватить за глаза. Тем более, хоть оно и копчёное, на жаре долго не хранится.

Лодка была надута в шесть утра, ещё полчаса ушло на сборы, и вот уже Пашка выписывает кренделя вдоль излучины, примеряясь к ходу моторки. Убедившись, что ничего не забыл, включая самородок, термос, аптечку, молоток, и указатели, Моторин запер контейнер на навесной замок и отправился в путь.

О том, что не взял в дорогу сачок, молодой человек пожалел уже через час. Вспугнутая мотором рыба, так и норовила сама запрыгнуть в руки. Одним сачком, без снастей, можно было сразу решить проблему питания. А так вечером осталось довольствоваться двумя голавлями, правда, каждый с локоть длиной. Первый запрыгнул в лодку сам, причём сзади, а второго Пашка ловко сбил на лету кулаком. Впрочем, на вкусе рыбы удар не сказался.

Следующий день был отмечен тремя указателями, прибитыми в местах впадения сначала ручья, потом речушки, а дальше уже более или менее реки. Моторин не посмотрел, как называется эта водная артерия, но был уверен, что напрямую то, что он проплыл за световой день, можно было пройти за пару часов, настолько река петляла. Только ближе к закату, когда в лодке уже лежали целых три голавля, река одумалась, выправила русло и разлилась на пару сотен метров.

Течение угомонилось. Казалось, река, приняв проверку Моторина на управление лодкой в сложных условиях, успокоилась. Теперь она демонстрировала путешественнику всё величие местного неба, обрамлённого кружевом деревьев по берегам. Ни волны, ни звука. Даже рыба бьёт крайне редко, боясь нарушить красоту заходящего солнца в отражении.

И только одинокий человек, стоя на прибрежном утёсе, внимательно всматривается в лодку, приложив для верности ладонь ко лбу козырьком.

Человек? Почти против солнца видно плохо, но сомнения нет. Заметив ответный взгляд, наблюдатель плюхнулся на скалу и, судя по судорожному движению кустов, куда-то отполз.

Моторин тут же свернул к берегу. Подвесить лодку к дереву, вещи в рюкзак, на виду лишь нож на поясе, да самострел за спиной. Пять минут альпинизма, и вот он уже на том самом утёсе.

Место наблюдателя оказалось неплохо оборудовано. Навалена небольшая копна травы, чтобы мягче было сидеть, ветки в двух местах аккуратно подрезаны. Человек здесь стоял явно неслучайно. Тем более, от скалы вглубь берега шла едва заметная тропинка.

Которая вскоре привела путешественника к вырубке. Кто-то очистил от леса довольно большую площадь и поставил на ней… Моторин даже протёр глаза. Точно, классические индейские вигвамы, которые на самом деле называются «типи». Деревянные конусы, обшитые шкурами. Самый большой стоял ближе всех к тропе, следом за ним виднелись ещё два. Ближе к деревьям темнело приземистое деревянное здание с плоской крышей. Пашка остановился на открытом месте и огляделся.

– Есть кто живой? – громко спросил он.

Серый меховой полог, похоже, из волчьей шкуры, откинулся, и к нему, пригнувшись, вышел немолодой мужчина. Длинные чёрные волосы, заплетённые в свободную косу, загорелое обветренное лицо, внимательные карие глаза. И кто сказал, что индейцы краснокожие? Нормальный мужик с обычным цветом лица человека, живущего на природе. На щеках тонкие тёмные морщинки, ни усов, ни бороды, нос прямой и длинный, брови густые. Людей с подобными лицами в России на дюжину двенадцать. Ростом он оказался чуть выше Моторина, да малость пошире в плечах, одет в кожаные штаны швами наружу, меховые тапочки и кожаный жилет. Стоит, смотрит, молчит.

– Hi, – попытался обратиться Пашка на английском. – I's going by you and saw the man on the rock. I'm just voyager and will not hurt you.

Индеец внимательно вслушивался, но никак не отреагировал на английскую речь. Постоял ещё мгновение и скрылся в вигваме. Тут же появился вновь и приглашающе махнул гостю рукой. Оказалось, с противоположной стороны жилища горел скромный костерок, а рядом, прямо на земле, был расстелен широкий кожаный дастархан.

Правда сперва походный стол пустовал, но стоило мужчинам на него присесть, как невесть откуда появилась молодая девушка в длинном, почти до пят, светлом кожаном платье без рукавов, тоже, кстати, швами наружу. Лицом она настолько походила на хозяина, что в их родстве сомневаться не приходилось. Явно дочь. В руке девушка держала глиняную крынку и стопку лепёшек. Она грациозно присела, не спуская с Моторина смеющихся глаз, поставила продукты перед отцом, и тут же ушла, бросив напоследок на гостя ещё один хитрый взгляд.

В этот момент Пашка пожалел о единственном преимуществе старости. В чём-то ведь даже плохо, когда излишнее возбуждение организма мешает ясности мысли.

Между тем, хозяин взял верхнюю лепёшку, ловко порвал её почти ровно пополам и протянул одну половину гостю. Свою же целиком засунул в рот. Затем снял с кувшина крышку, наполнил её, в два глотка запил лепёшку и передал тару Моторину. Тот с готовностью повторил. Ритуал гостеприимства был, вроде как, выполнен. Но…

Следовало самому проявить добрые намерения, поэтому Пашка отстегнул от рюкзака рыбу. Почистил и выпотрошил её он ещё в лодке, каждую сразу, как поймал. Теперь оставалось только распластать. Достал соль, взял голавлей, быстро полоснул тушки вдоль хребтов, растянул их над костром, посолил, отбросил нож на кожаное покрывало и начал пристраивать рыбу на лежащие рядом щепочки.

Наконец, передвинув пару камней, удалось разложить добычу жариться, и можно было возвращаться к хозяину. Тем более, хотелось пить, а разведённый ягодный сок в кувшине оказался очень хорош. Моторин сделал шаг к индейцу и застыл на месте.

Тот с благоговением водил пальцем по блестящему лезвию ножа и, кажется, что-то про себя бормотал. Почувствовав взгляд стоящего над ним гостя, индеец сказал что-то гортанное и певучее, похожее на грузинский язык, и вопросительно посмотрел Пашке в глаза.

Путешественник не сразу догадался, что хозяину понравился его нож. В общем-то неудивительно, этот клинок Моторин сам выковал когда-то из клапана от судового дизеля, а ручку, тоже сам, вырезал из корня вяза. Нож получился удачный, ему не повредили даже почти двадцать лет эксплуатации.

Индеец помолчал, затем сунул руку за спину и протянул гостю, блеснувший в вечернем солнце тонкими сколами, чёрный каменный клинок без ручки. Пашка чуть не схватил этот раритет из интереса, но вовремя спохватился. Ещё возьмёшь, а старик подумает, что он согласен обменяться. Доказывай потом…

– Нет, уважаемый, – покачал головой Моторин. – На обмен я не согласен. Да и нож у меня всего один. Ты потом приезжай в гости, я тебе ещё лучше смастерю. А этот, извини, мне дорог как память.

Индеец подскочил и теперь, чуть пригнувшись, стоял напротив гостя. Глаза его азартно горели. Он что-то торопливо пропел, рывком скрылся в вигваме и через мгновенье вынырнул обратно, сжимая в руках лук и колчан со стрелами. Оружие было примерно вдвое короче того, что делал когда-то Пашка, туго оплетённое кожаным ремешком, с плечами, покрытыми замысловатой резьбой. Гость снова помотал головой, потом вынул из-подмышки самострел и похлопал по нему рукой, надеясь, что хозяин поймёт без слов.

Тот недовольно кивнул, и вновь скрылся в жилище. Но через минуту вернулся. На этот раз он тащил за руку упирающуюся дочь. Девушка старательно делала вид, что ей неприятно, но то и дело с интересом стреляла на Пашку глазами.

Индеец разразился длинной речью на целую минуту, после чего торжественно взял дочь за плечи и поставил её перед Павлом. Тот вновь помотал головой.

Моторина уже забавляла ситуация. Неужели нож может в этих краях столько стоить, что взрослый, абсолютно трезвый мужчина готов отдать за него первому встречному собственную дочь? Сам Моторин детей не имел, как-то не сложилось, он даже женат никогда не был. Но своего ребёнка точно бы не отдал не то, что за нож, но даже за пулемёт.

Хозяин тем временем нервничал. Он долго в чём-то убеждал гостя, совершенно не заботясь, понимает ли тот его доводы. Потом махнул рукой и грозно прикрикнул на девушку. Та ответил отрицательно, во всяком случае, головой мотала точь-в-точь, как Моторин. Отец настаивал. Девушка извиняющимся взглядом посмотрел на Павла и вдруг, одним грациозным движением, по-змеиному выскользнула из одежды.

Пашку будто сунули головой в печь. Кроме кожаного платья, как оказалось, на девушке больше ничего не было. Она неподвижно стояла, отливая бронзой кожи в свете заходящего солнца, и очень напоминала статую. Некоторое время Моторин пытался отдышаться и привести мысли в порядок. Потом посмотрел на хозяина и медленно покачал головой.

– Ты сдурел что ли, отец, дочь родную на какой-то ножик меняешь? – строго спросил он.

Индеец буркнул что-то в ответ. Девушка недовольно посмотрела на гостя, ещё пару раз сменила позу, вызвав том прилив жара к лицу, и, наконец удовлетворённая произведённым эффектом, оделась. Медленно и томно. Пашке даже пришлось отвернуться, чтобы не взвыть от захлестнувшего желания.

Очень вовремя от костра повеяло жареной рыбой и Моторин воспользовался случаем прекратить бессмысленный торг.

– Рыба сгорит, – заметил он, указывая рукой на костёр.

Когда Павел повернулся, держа в руках по деревянному шампуру с малость подгоревшими голавлями, то встретился взглядами с индейцем. Тот смотрел довольно и уверенно, поглаживая одной рукой нож, а второй что-то объёмное, лежащее на покрывале и прикрытое меховой накидкой. Когда гость подошёл, хозяин встал в торжественную позу и разразился длинной патетической речью. Моторин не понял ни слова, но судя по тону, ему как минимум вручали звезду героя. Наконец, индеец сбросил накидку. На покрывале, поблёскивая в свете заходящего солнца многочисленными гранями, стоял огромный, с два кулака, кристалл соли.

Пашка долго задумчиво смотрел на хозяина. Где-то он слышал, что раньше в далёких от моря местах соль считалась главным богатством. Часто ей расплачивались, как деньгами. Итальянцы назвали свои сольди именно в честь этой приправы. Даже само слово «солдат» означало наёмников, которым платили солью. В русском языке слово «зола» значило «заменитель соли», потому что от средней полосы до морей далеко, и люди посыпали еду золой, чтобы придать ей солёный вкус. До начала промышленной добычи соль ценилась даже дороже золота. Сколько может стоить среди местных подобная громадина, он не знал, но тот факт, что индеец предложил сначала дочь, а только потом кристалл, уже говорил о многом.

– Мужик, не сходи с ума, – постарался урезонить Моторин старика. – Приедешь ко мне, я тебе такой же сделаю. Хочешь, прямо с утра и поедем?

Надеяться на то, что индеец поймёт русскую речь, не приходилось. Он даже не отреагировал на английский, хотя до города чуть больше сотни вёрст. Так что Пашка махнул рукой и полез в рюкзак. Где-то там был блокнот.

– Вот, смотри, – пояснял он через минуту, обозначая карандашом на листе изгибы реки. – Плывёшь до этой развилки. Там ещё знак будет.

Он достал из рюкзака один из указателей и положил перед индейцем. Ткнул в него пальцем и нарисовал в месте впадения реки стрелку.

– Вот такой знак…

Моторин посмотрел на старика и замолчал. Тот, как завороженный, уставился сначала на лист бумаги, потом перевёл взгляд на выкрашенную в белый цвет дощечку с нарисованной жирной чёрной стрелкой…

И в этот момент с противоположного конца вырубки раздался душераздирающий крик.

Глава 6. Семья в наследство

Индеец мгновенно замер. Секунду он прислушивался, очень напоминая охотничьего пса в стойке, затем схватил Моторина за плечо и, убедительно что-то лопоча по-своему, поволок его «за угол» – на ту сторону круглого дома.

У волчьего полога стояла напряжённая девушка, в руке её было короткое, до подбородка, копьецо с каменным наконечником. Она хотела что-то сказать, но отец даже не стал слушать, подхватил её второй рукой и властно закинул обоих в типи.

Внутри было темно, душно, пахло пыльной шерстью и сажей. Пашка некоторое время ничего не видел, и только когда глаза привыкли к темноте, заметил, что свет падает лишь из круглого отверстия в крыше. Видимо, одновременно, окна и дымохода. Пол в жилище оказался застелен толстой мохнатой шкурой, в углу, наваленные в кучу, лежали ещё какие-то меха…

Снаружи шёл бой, это было понятно по немногочисленным ударам и еле слышным вскрикам. Стены вигвама звуков не сдерживали. Девушка пыталась что-то объяснить гостю, но Моторин не стал слушать. Нападающих явно несколько, так что хозяину не помешает помощь. К тому же он был бы плохим гостем…

В трёх метрах от вигвама раздался крик, и Пашка бросился наружу.

Рывок из-под полога, теперь, чтобы не стать мишенью, пригнувшись, помогая себе левой рукой, пробежка в низкой, но хоть что-то скрывающей траве. После темноты индейского жилища вечерний сумрак кажется совсем прозрачным, видно отлично. Одного короткого оборота достаточно, чтобы понять – на вигвам напали шесть человек. Все полуголые, морды размалёваны краской, видимо, для острастки.

Так, впереди валун, высотой чуть выше колена, за него. Залёг. Это не валун, это какая-то каменная чаша. Середина выдолблена почти с ведро глубиной, по краю слегка обтёсано, видимо всё-таки придавали булыжнику нужную форму. Вокруг остатки костра и кое-где недогоревшие дрова. Сзади яма, в полумраке она кажется очень глубокой, да и куча земли рядом навалена немаленькая. Высунулся. Хозяин уже двухсотый – вон он лежит со стрелой в груди, а напротив него один из нападавших. Значит, их семеро было. И из них вон те трое, явно старшие. А самый главный, похоже этот разрисованный здоровяк со стальным топором в руке, в волосах которого торчат три белых пера. Единственный, кстати, как с перьями, так и с металлическим оружием. Вот с тебя, триперного, и начнём. Вскинуть самострел. Взвод происходит при начале нажатия спуска. Короткое «тум!» бойка об ограничитель, и главный… Голова развалилась в куски, брызнув во все стороны, а сам он падает вправо, в кусты. Тут же в рядом стоящего. Этого в грудь. Готов. Третьего не успел. Он поднимает копьё и рывком бросается на Пашку. Трое оставшихся достали из колчанов стрелы и натянули луки.

Синхронно, как эльфы в кино. Так, рывок вперёд из-под залпа, нырок под удар копьём, полоснуть ножом, хорошо получилось, прямо в печень. Всё, упал. Моторин стоит перед тремя лучниками. Они одновременно спускают тетивы… Упасть там, где стоит… Успел, да, пролетели мимо. Из положения «лёжа» первый получил болт в грудь. Второй… ага, отпрыгнул, в ногу попало. Добить. Третий схватил копьё и бросил. Но Моторина там уже нет. Бежит на противоположную сторону. Стрела вслед. Не попал, задел лишь рубашку. А вот спереди…

Стрелу, летящую из ветвей, Пашка заметил уже на подлёте и потому полностью уклониться не успел. Отмахиваясь, мазнул по ней рукой и потому получил попадание в бедро, чуть ниже задницы. Блин, будто раскалённой кочергой ткнули. Нога мгновенно отяжелела. Но деваться некуда, таймаута не дадут.

Рывок, блин, нога не сработала штатно, и вместо прыжка на ветку получилось за неё лишь ухватиться. Так. Теперь подтянуться. Сел. Над коленом торчит половина стрелы, на ней каменный наконечник. Срочно обломать. Страшно подумать, что там сзади. Перья на ноге?

Так ведь и знал, что у нападающих где-то должна быть огневая поддержка. Жаль, отсюда, с ветки, видно только ноги снайпера, зато последний воин внизу как на ладони. Стоит себе с натянутым луком, всматривается в темень листвы. Спуск. Болт ударил ему прямо в лоб. Забыл, опять придётся в мозгах ковыряться, доставать. А в ответ слева прилетела стрела. Но лучнику его видно плохо, поэтому попал он в ветку, на которой устроился Моторин.

Опуститься и лечь на ветку плашмя. Так и нагрузка на раненую ногу меньше, и угол обзора побольше. Вот он, снайпер, почти до груди снизу виден. Прицелиться в живот, выстрел…

Лучник в последний момент присел и тоже спустил тетиву, держа оружие горизонтально. Пашка не видел, куда попал его болт, потому что сам в это время падал с ветки, чтобы самому не угодить под стрелу. Но, судя по крику, он попал. В него, правда, тоже. Правая рука вспыхнула пламенем боли, он приземлился на бок и застонал. Где подстреленный снайпер? Надо проверить.

Подошёл, уже ощутимо хромая. Да, готов. Никто не выживет, если упадёт с трёх метров спиной на камень. Крови под телом уже налило порядочно. Теперь проверить, как там девчонка.

Только идти тяжело. Нога не слушается, рука при каждом шаге взрывается нестерпимой болью, а ведь задели несильно, стрела навылет прошла, чуть бицепс зацепила. Но почему-то дышать тяжело, воздуха не хватает. К счастью, под ногу подвернулось чьё-то копьё. А, это хозяина. Вот и он сам, Пашка чуть не наступил на грудь в темноте. Как же стемнело так быстро, или это у него в глазах? Дышать тоже нечем, будто в пыли идёт. Моторин наклонился, взял копьё, но и сам чуть не упал. Опираясь здоровой левой на оружие, ставшее на время костылём, сделал шаг. Нога отдалась рывком боли, правая рука будто взорвалась. Ещё шаг. Теперь передохнуть. Он и стариком себя так плохо не чувствовал, что же такое?

Путь до вигвама занял времени больше, чем сам бой. И то, добрался лишь потому, что навстречу выскочила девчонка и чуть не на себе затащила его внутрь. Стыдно-то как, здорового лося, малютка, на плечах. Ничего, девочка. Главное, до рюкзака добраться. Как он из него выскочил, когда наружу рванул, сам не помнит. Но до рюкзака…

Там всё есть. Там. А сейчас лучше бы присесть. Хоть куда, хоть вот, на шкуры эти. И дай рюкзак, а то самому не дотянуться. Да. Этот. Не понимаешь. Ничего, девочка, сейчас…

Растянуть завязки, аптечка. Так, шприц-ампулы. Сначала укол промедола. Прямо сквозь рубашку, ничего. Вот, уже легче, отпустило, голова почти ясная, и правая рука слушаться начала. А то колоть левой непривычно. Обломок стрелы из ноги. Не надо осторожно, девочка, он лучше сам, вот так, рывком. Готово, вон как кровь сразу хлынула. Теперь нужен антидот, а то не зря же пустячное ранение в руку такую реакцию даёт. Вот так. А теперь… Где тут мой ножик? Рукав рубахи прочь, штанину тоже прочь. Нужно всё засыпать стрептоцидом и перевязать. Вот так, потуже. А сейчас хорошо бы лечь и пару минут полежать. Сейчас, сейчас он отдохнёт от боя и поможет…

Разбудил Моторина солнечный луч. Яркий зайчик добрался до лица и теперь усиленно щекотал нос и веки. Пашка долго морщился в полусне, наконец, не выдержал, чихнул, и проснулся окончательно. Вигвам оказался освещён гораздо лучше, чем вчера. Солнце поднялось настолько высоко, что смотреть из полумрака в дыру дымохода было больно глазам.

Молодой человек поднял правую руку и осмотрел повязку. Нормально, крови за ночь вытекло немного. А вот лиловый цвет кожи его не порадовал. Не иначе, стрела была чем-то нехорошим смазана. Непохоже, что серьёзный яд, но он где-то читал, что раньше наконечники для лучшей убойной силы держали в тухлом мясе и даже мазали навозом. Локоть и сейчас сгибался с трудом, а сама рука весила, казалось, как две ноги. Придётся на некоторое время уложить её в косынку и попить антибиотики.

Нога, кстати, выглядела не в пример лучше. На неё можно было даже почти естественно наступать. Раздражала только одна штанина на брюках. Но ничего, введёт Моторин в индейское американское общество моду на шорты.

Он выбрался наружу и непроизвольно зажмурился. Стоял жаркий полдень, вырубка была залита нестерпимым потоком солнечного света, в котором, лишь когда привыкли глаза, удалось рассмотреть ждущих его у входа четверых людей. Вчерашняя девушка и трое детей. Кажется, все мальчишки, мал-мала-меньше. А, нет, самая мелкая, вроде, девчонка. Волосы у мальцов заплетены в косы, у девочки – две, у остальных в одну. За ними стоит девушка, обнимает всех троих за плечи и как-то необычно смотрит на Пашку.

Он неловко остановился, не зная, что сказать в подобной ситуации. Надо бы пройтись, собрать болты, пока ещё хоть примерно помнит, где какой лежит, а тут эти… И что с ними теперь делать? Где их дом вообще?

Девушка подошла, безысходно-твёрдо посмотрела ему прямо в глаза и рывком приложила ладонь к своей груди.

– Тараниопу Сапа, – твёрдым голосом произнесла она.

Потом по очереди ткнула в каждого из детей и назвала каждого:

– Варап Сапа, Гитантиони Сапа, Дарания Сапа.

Ещё секунду собиралась с духом, и вдруг упала перед молодым человеком на колени, причём так быстро, будто ей подрубили ноги. Схватила Пашку за раненую руку, тот даже поморщился от резко вступившей боли, положила его ладонь себе на темя и затараторила:

– Ио Тараниопу Сапа…

На второй или третьей фразе в голову Моторину вкралась мысль, что это какой-то местный аналог присяги на верность, или, не дай бог, ритуал вхождения в семью. После Тараниопы каждый из детей проделал то же самое. Лица у них при этом были напряжённые и отчаянные. Путешественник стоял, не зная, что предпринять. Сказать им нет, значило оставить четверых детей на верную смерть. А взять с собой… Пройдёт меньше года, он вернётся в двадцать первый век, и куда они тогда денутся? Вон, старшему из пацанов лет десять, не больше, а девчонке вообще около шести. Что он с ними будет делать, это ладно. Прокормит как-нибудь. Но потом, после возвращения? Да он же себе места не найдёт в будущем.

Но, похоже, непроизвольно Моторин уже принял решение. А как иначе? Не бросать же беззащитных детей на произвол судьбы? Он неожиданно для самого себя ласково погладил детишек по волосам, отчего они задрали головы и с надеждой посмотрели на молодого человека. Потом так же приласкал и девушку. Всё-таки с высоты прожитых лет Тараниопу воспринималась больше, как дочь, или даже внучка, чем как девушка.

Но сама молодая индианка, похоже, думала иначе. Она рывком прижалась к Пашке, потёрлась кончиком носа о его нос, и долго убеждённо что-то ему объясняла, то и дело вставляя уже известное слово «ио» – «я». В конце речи на её лице даже загорелась несмелая улыбка.

Моторин стоял как деревянный, боясь невольным шевелением спугнуть это проявление внимания. Отвык он от подобного. Нет, в молодости у него, конечно же случались отношения с женщинами, но когда это было? Так что он, млея от удовольствия, слушал монолог Таранип… Тарапе… Танюшки, в общем. А когда та замолчала, несколько секунд ещё наслаждался ощущением единения и нежности. С трудом удалось вырвать себя из нирваны. Пора бы уже собрать болты, да и самим собираться. Что, если эти разрисованные придут снова, да ещё и народа побольше с собой захватят? Так что он сделал шаг назад, обвёл всех взглядом и скомандовал:

– Вот что, Тарани…

Пашка глянул на девушку и махнул рукой. Потом ткнул ей ладонью в грудь, мимоходом отметив упругость молодых холмиков, и переименовал:

– Таня. Татьяна. Поняла, Таня?

Девушка неуверенно указала на себя и вопросительно произнесла:

– Таня? Ио Таня?

– Таня, Таня. Нечего язык ломать. Таня – Тараниоку. Или как там?

– Тараниопу, поправила девушка. Затем, будто примеряя на себя новое имя, несколько раз проговорила. – Таня… Таня… Тараниопу Таня.

И в конце добавила что-то из своей абракадабры. Сразу после её слов поднялся гвалт. Моторин и не представлял, что всего трое детей могут так шуметь. Мальчишки, активно работая локтями и даже лбами, норовили оказаться поближе к молодому человеку, каждый кричал своё имя, добавляя при этом кучу ничего не значащих для путешественника слов. Наконец, Пашка не выдержал.

– А ну тихо! – крикнул он так, что правая рука отдалась тупой болью.

Мгновенно воцарилась абсолютная тишина, как в космосе. Дети замерли, боясь пошевелиться. Ну вот, подумал Моторин, первое слово по-русски, которое они выучили, не «мама» или «папа», а «тихо». Хорошо, что не «заткнись». Он ткнул пальцем в первого попавшегося и вопросительно дёрнул подбородком.

– Варап Сапа, – с готовностью доложил мальчишка.

Глаза его блестели, на губах прочно держалась гордая улыбка. Самому Варапу было на вид лет десять, крепкий, но худенький, ни капли лишнего жира. Чёрные до синевы волосы заплетены в тугую косу и спускаются до самых лопаток. Одет в одну кожаную набедренную повязку, за поясом которой Моторин узнал очертания каменного ножа. Вояка…

– Будешь… – он на секунду задумался. – Марат. – Ткнул мальчишку в грудь и повторил. – Марат.

– Марат, Марат, – загомонили все трое и место переименованного тут же занял следующий.

Через минуту Тараниопу окликнула детей уже новыми именами:

– Марат, Антон, Дариа!

– Дарья, – поправил её Пашка. – Дарья, это Даша. Даша.

– Даша, – смачно проговорила Таня и повторила призыв. – Марат, Антон, Даша!

– Таня, – смущённо прервал её Моторин.

Девушка с готовностью повернулась к нему. Вот я дурак, подумал молодой человек. Всех назвал. А себя?

– Паша, – он ткнул себя в грудь левой, здоровой рукой. – Паша Моторин.

С криком «Паша!» на него накинулись все четверо. Как, оказывается, приятно, когда тебя обнимают дети…

В процессе осмотра вырубки, Моторин выяснил, что проживающий здесь индеец занимался добычей соли. Выпаривал её именно в той самой, каменной чаше, за которой так удачно прятался вечером Пашка. Кроме того, на открытом месте нашлись две полосы кукурузы, до спелости им ещё месяца два, узкое длинное поле, засеянное растением, очень похожим на овёс, небольшая посадка картошки, и грядка кабачков.

Два остальных вигвама выглядели нежилыми. Создалось впечатление, что раньше здесь обитало больше людей. И возможно, причиной демографического кризиса были именно расписные налётчики.

Дети, пока Моторин спал, стащили их тела в кучу и тщательно обыскали. Ему пришлось заняться только болтами, и то неудачно. Распотрошив три трупа, молодой человек решил, что лучше сделает новые.

На дастархане в ряд лежали шесть трофейных луков, пара десятков стрел к ним, каменный клевец, очень прочно увязанный на дубовую рукоять, и три копья. Отдельно были сложены самые ценные трофеи – почти бесформенный бронзовый топорик, короткий железный нож, и поломанное надвое копьё с бронзовым же наконечником. Меховая и кожаная одежда налётчиков возвышалась отдельной бесформенной кучей.

Возле второго вигвама, на дубовом кострище, лежал на спине вчерашний индеец. В его огромную, заскорузлую ладонь была вложена узкая ладошка лежащего рядом мальчишки лет двенадцати. Хозяин был полностью одет, на груди его лежало то самое короткое копьё. У мальчишки в руке был каменный топорик. Таня подошла и указала на каждого из них рукой.

– Арта Сарадонту Сапа, – она потрогала одинокое перо, торчащее из волос отца, затем показала на мальчишку. – Тутуи Сапа.

Моторин кивнул, понимая, что для девушки значит этот день. Потеря кормильца и защитника, трое детей на руках. Тут не только к бросившемуся на помощь путешественнику, к налётчикам будешь в семью набиваться. Он глянул на ожидающую чего-то Таню, затем понял, достал из кармана зажигалку, разжёг костёр под покойниками. Затем они долго стояли впятером, глядя на гудящее пламя.

К реке спускались, провожаемые пламенем. Таня выдернула головню из погребального костра и запалила на вырубке всё, что могло гореть. Хорошо, хоть посевы не сожгла, Моторин уже строил на них планы.

Лодку снимать одной рукой было очень неудобно. Пашка возился минут десять, пока не подошёл Марат. Мальчик мгновенно развязал узел, а потом почему-то не стал отходить, и отлично надутая лодка звонко ударила его по голове. Хорошо, что не мотором, а то могла бы и поранить. Мальчик долго трогал борта пальцами, неглубоко прожимая их, водил ладонью по блестящему валу, тянущемуся от дрели до винта, и всё время с его лица не сходило изумлённое выражение. Остальные, к слову, выглядели не лучше.

– Вы что, лодку не видели? – ворчливо, но довольно, прервал изучение Моторин. Он по-хозяйски звучно похлопал по резиновому борту и повторил. – Лодка. Лодка.

Все в моторку не влезли, тем более, что, хотя, казалось бы, ничего с собой не взяли, но скарба набралась немаленькая куча. Пара глиняных горшков, стопка керамических то ли тарелок, то ли чашек, кое-что из одежды. В отдельном узелке лежал, как великая ценность, тот самый кристалл соли. Кроме того, индейцы ни за что не соглашались оставлять на вырубке добытое в битве оружие. Так что детям, как бы им ни хотелось прокатиться в необычной лодке, пришлось сесть в свою, собранную из веток и обшитую берестой.

Марат гордо приволок её на плечах, поставил перед Пашкой, так же как он, постучал по борту и спросил:

– Лодка? – в его взгляде угадывалась надежда на одобрение.

– Лодка, лодка, – подтвердил путешественник. – И у тебя тоже лодка. Вот только плыть будет ли?

Вначале Моторин отнёсся к подобному плавсредству с недоверием. А ну как протекать начнёт? Или, ещё хуже, зацепит кто чем острым и порвёт обшивку. Но Марат смело оттолкнул своё каноэ от берега, ловко прыгнул в него и шустро доплыл до противоположной стороны реки и обратно, уверенно загребая коротким веслом. Таня с Антоном тоже в два голоса уверяли Пашку, что лодка у них хорошая и надёжная. Тот, хоть ни слова не понял, всё же согласился. В итоге каноэ привязали прямо к уключине длинным капроновым шнуром, и караван тронулся.

Глава 7. Что нам стоит…

Первое время юная индианка боялась даже пошевелиться, лишь время от времени кидала косые взгляды на рукоять дрели в руке Моторина. Наконец, поняв, что ничего страшного не происходит, проявила явный интерес к непривычному способу передвижения. Освоились и дети в каноэ. Сначала старший, Марат, всё порывался помочь Пашке, подгребая веслом, но скоро бросил это занятие. Ведь куда интереснее тем же веслом глушить любопытных голавлей, которые безбоязненно выскакивают, посмотреть, кто это плывёт. За три часа набралось десяток немаленьких рыбин, и Моторин словами и жестами попросил парня прекратить рыбалку. И этого хватит.

Мало-помалу Таня освоилась, и даже выпросила у молодого человека порулить. С опаской взяла в руку дрель, подивилась, как та лежит в ладони и вопросительно глянула на Пашку. Тот ткнул в кнопку.

– Нажми. – и показал, что надо делать.

Дёрнулись одновременно, дрель и индианка. Если бы не уключина, лежать их импровизированному мотору на дне. Но всё обошлось, и через минуту Тараниопу уже рыскала носом моторки вправо-влево, приспосабливаясь к движению.

Спокойно плыли недолго. Не прошли и трёх километров, как Марат приподнялся в своём каноэ и настойчиво закричал:

– Лодка! Лодка, – при этом показывал пальцем на транец моторки.

Пашка даже испугался, подумал мало ли, зацепили что, порвали борт. Но всё оказалось проще, правда для этого пришлось причалить к берегу. Как только караван коснулся земли, мальчишка зайцем перепрыгнул из каноэ к Моторину с Таней, и с жаром начал о чём-то просить молодого человека, тыкая пальцем то в старшую сестру, то в дрель. Путешественник не сразу понял, о чём речь, а когда догадался, расхохотался.

– Да попробуй, жалко, что ли, – добродушно проворчал он и попросил Таню. – Уступи, Танюша, парню место, видишь же, неймётся.

К чести маленького индейца, он от нажатия кнопки ручку не бросил, наоборот, сжал настолько сильно, что дрель взвыла, крутя винт на полных оборотах.

До места первого впадения рулить моторкой попробовали все, но в итоге должность кормчего прочно закрепилась за старшим из мальчиков. В конце концов сложилась устойчивая команда. Творение китайских корабелов с бесстрашным именем «Нессущийся», написанным Пашкой в порыве баловства прямо поверх иероглифов, вполне успешно перевозило троих под управлением юного капитана Марата, а сзади, вальяжно развалившись на вещах, с относительным комфортом ехала младшая группа. Моторину оставалось только указывать рулевому на приметные стрелки, прибитые к стволам деревьев в местах впадения, и то, мальчишка, начиная с третьего указателя, находил их быстрее хронопутешественника.

Наконец, показалось приметное водяное колесо, и караван причалил к берегу. К удивлению Павла, назад добрались даже чуть быстрее, несмотря на течение. Возможно, потому что вниз Моторин плыл, почти не помогая реке винтом, а на обратном пути юный индеец старался развить высокую скорость.

С момента выхода на сушу рот у детей почти не закрывался. Сначала они долго и с удивлением осматривали самостоятельно вращающееся дубовое колесо, совали пальцы куда можно и нельзя, пытались остановить руками главную шестерню, конечно же, неудачно.

Затем произошло торжественное открытие контейнера. Можно представить удивление этих неиспорченных цивилизацией детей, когда они увидели огромный ящик, сделанный, подумать только, из самого настоящего железа. Да ещё и закрытый на непонятный замок.

Тане стоило огромных усилий удержать младших братьев от углубленного исследования всего, что они видят. Выручили лишь наловленная рыба и скрывшееся за вершинами предгорий солнце.

Так или иначе, но детей, основательно вымыв с мылом в ручье, уложили на надувной матрас, а для себя Моторин быстренько соорудил шалаш. После чего вымылся сам, сменил повязки на руке и ноге, сел на прибрежный камень и задумался.

Теперь придётся строить дом, хочет он этого или нет, причём, в срочном порядке. А срочность постройки сильно сужает варианты. Кирпичный сложить они до зимы не успевают. Ведь сначала нужно найти глину, налепить из неё заготовок, обжечь их, причём не конвейерным способом, а партиями, что тем более замедляет работу. На дом для пятерых понадобится не меньше пяти тысяч кирпичей. Затем хорошо бы найти известь, если она вообще есть где-нибудь рядом, чтобы не скреплять кладку мокнущей под дождём глиной. И только потом уже класть сами стены. А ведь ещё есть полы, какая-никакая столярка, крыша…

Сруб тоже не возведёшь. Во-первых, спиленные брёвна нужно долго сушить, а во-вторых, не дело это, заставлять малолетних пацанов таскать неподъёмные лесины.

Остаётся рыть землянку. Придя к такому выводу, Павел отправился спать. К его удивлению шалаш оказался занят, там, накрывшись волчьей шкурой, лежала Таня. Молодой человек хотел уже пристроиться в каком-нибудь другом уголке, но девушка призывно похлопала по расстеленному меху рядом с собой и позвала:

– Паша. Паша.

Моторин секунду подумал, потом махнул рукой и пристроился рядом, повернувшись к индианке на всякий случай спиной. Но всё напрасно. Девушка плотно прижалась к нему и начала гладить по голове, в чём-то его при этом убеждая. Такая непритязательная ласка напомнила Моторину детство, глаза стали слипаться, и он совсем было провалился в сон, когда вдруг…

– Паша, Таня…

В шалаш, пиная взрослых под рёбра и шелестя ветками, пробралась маленькая Даша. Она по-хозяйски ввинтилась между молодыми людьми, буркнула что-то невнятное, и через минуту уже залихватски сопела в две дырочки. Моторин не выдержал и рассмеялся. И с радостью услышал, как за спиной еле слышно ему подхихикивает Таня.

Следующая неделя прошла под знаком лопаты. Землю копали все. Пашка разметил квадрат пять на пять, одной стороной упирающийся в холм. Там и решил строить землянку. Лопата нашлась только одна, но шустрый Марат за час, напропалую используя Пашкин нож, смастерил пять деревянных заступов. Это он ещё топор не видел, восхищённо подумал Моторин.

От стройки никто не отлынивал, даже Даша старалась помогать в меру сил, поэтому с обедом в этот день как-то не удалось. Никому не пришло в голову прекратить работу и пойти готовить. Да и на охоту тоже никто не выбрался. Пришлось кормить личный состав гречневой кашей с тушёнкой. Надо ли говорить, что дети были довольны.

Следующим утром Моторин к рассвету уже стоял на реке со спиннингом. Клевало, как всегда, хорошо, и за десять минут он вытащил трёх здоровенных жерехов. В общем-то можно было бы и сворачиваться. Если бы не Антон. Мальчишка ни свет, ни заря выскочил на берег и, как заворожённый, смотрел на невиданный ранее способ лова.

Ну а потом попросил спиннинг и попробовал сам. Получилось с третьего раза, а клюнуло уже с четвёртого, так что Моторину пришлось повозиться, отбирая у мальца удочку. Но с этого дня бессменным ответственным за рыбное меню стал девятилетний Антон.

Марат же возложил на себя добычу мяса. Нож он неоднократно пытался узурпировать, так что Пашка скрепя сердце отдал ему другой, складной, которым там, в будущем, зачищал провода, точил карандаши, и вообще, использовал для бытовых нужд. Мальчуган был рад. Он тут же выстругал себе ивовое копьецо, насадил на него наконечник из расщепленной оленьей

бедренной кости, и, надо сказать, очень неплохо с ним управлялся. Во всяком случае, Пашке такой ловкости достичь никогда не удавалось.

Когда бытовые и строительные процессы были налажены, Моторин занялся сталеварением. К этому хронопутешственника подвигли две причины. В меньшей степени нежелание разбазаривать содержимое контейнера, а в большей – забота о детях. Ведь вернётся он в своё время, и с чем они останутся? Молодые, беззащитные, ни племени, ни родни. А если их научить выплавлять железо, пусть даже самое простое, кричное, да ковать из него самые примитивные изделия, вроде ножей и наконечников для копий, то это как раз и будет лучшей защитой. Любое племя с удовольствием примет молодых мастеров, а подрастут, так и самые красивые девушки с радостью пойдут за них замуж.

Окончательно он решился, когда при рытье землянки на глубине полметра обнаружил слой великолепной глины. Из такой можно и домну сложить, а если очистить, то и посуду лепить. Гончар ведь, как он думал, никак не менее уважаемый человек, чем кузнец.

Так что к началу августа, когда землянка приобрела почти законченный вид, не было только полов и дверей, на ручье стояли уже три водяных колеса. Последнее было полностью изготовлено силами Марата и Антона.

Работа спорилась, все были при деле, и уже к середине лета Моторин обнаружил, что начал неплохо понимать своих внезапных родственников. Если Таня в беседах с ним специально старалась говорить максимально доходчиво, подыскивая нужные слова, то детишки даже между собой изъяснялись почти полностью по-русски. Этому в большой степени способствовал тот факт, что в их языке не было многих понятий. Даже само слово «колесо» оказалось для индейцев незнакомо.

Раз в неделю они с Таней ходили на лодке «на дачу», как говорил Моторин. Кукурузу, картофель и прочее нужно было поливать. К тому же, заканчивалась соль, поэтому Павел вовсю использовал опыт главы семейства Сапа. Индианка, пока он выпаривал воду, ухаживала за посадками, а потом бегала в лес. В лесу росло большое дерево гинкго, исправно снабжавшее семейство настолько ровными и круглыми орехами, что Пашка даже использовал их в качестве шариков для подшипников, конечно же там, где не было сильных скоростей и нагрузок.

А такие конструкции худо-бедно, но появлялись. Первой ласточкой было гончарное колесо с водяным приводом, затем лесопилка. Ореховые подшипники на удивление хорошо держали обороты, правда шарики приходилось раз в две недели менять. Изготовление посуды очень понравилось Тане. Она с удовольствием лепила тарелки, горшки, кувшины в таком количестве, будто на ручье жило не пятеро человек, а как минимум целое племя. Куда девать всю эту расписную красоту, Моторин пока не знал. Один горшок, тарелку и кружку он припрятал в контейнере, чтобы забрать домой, а с остальными нужно было что-то придумывать. Пока выход виделся один – продать посуду в Чаттануге. Но добираться туда два дня, да сколько времени он проведёт в самом городе. Так что оставлять детей без присмотра на неопределённое время путешественник не спешил. Пусть сначала обживутся.

Впрочем, вопрос с лишней посудой решился сам собой. Однажды утром Моторина разбудил Антон.

– Паша! Люди. Там люди. Много дом. – возбуждённо кричал он, почти не перемежая свою речь словами на родном языке.

Глава 8. Двигатель прогресса

Сначала Моторин увидел дымы. Много, не меньше двух десятков. Они столбами стояли в лучах восходящего солнца, и на первый взгляд казались застывшими. Между струями дыма по-хозяйски расположились вигвамы. В новоявленном посёлке царила деловая суета, бегали дети, горели костры, и женщины занимались своими нескончаемыми домашними делами. Если не знать, что ещё вчера на противоположном берегу никого не было, можно было подумать, что племя располагалось здесь всегда.

Моторин стоял в паре метров от ручья, и, держа руку козырьком, внимательно рассматривал пришельцев. Те в свою очередь с не меньшим интересом глядели на него. У воды столпилось пара десятков мужчин, все в кожаных или меховых одеждах, с прямыми, чёрными волосами, заплетёнными в косу. Причёску некоторых украшали одно или два пера. Они что-то вполголоса обсуждали, то и дело указывая на колёса, а то и на самого Моторина.

Пашка пожалел, что не взял с собой самострел. Он хотел уже было послать за оружием Марата, но обратил внимание на спокойствие мальчишки. Тот довольно улыбался, глядя на ту сторону.

– Кто это, Марат? – спросил Моторин.

– Это маскоги, Паша. Наше племя.

Ответ только добавил вопросов. Почему племя там, а семья Сапа здесь? Почему дети жили отдельно, было в общем-то понятно. Их отец добывал соль. Но зачем маскоги пришли сейчас? За солью? Если они хотят забрать детей, Пашке будет жаль, он привык к этим неугомонным, но добродушным мальчишкам, ему нравится домашняя забота Тани, но он понимает, что для несовершеннолетних индейцев жизнь в племени всё-таки будет безопаснее. Опять же, у него и для себя-то на зиму не хватит ни еды, ни тёплой одежды. Так что, если дети захотят вернуться к своим, он будет не против. Но что, если маскоги пришли, например, потому что узнали про его контейнер?

– Ты знаешь, что им надо?

Ответила незаметно подошедшая Таня.

– Ничего. Маскоги всегда здесь останавливаются, когда идут с севера на юг.

Вот как так можно отвечать, что понятно становится ещё меньше.

– Зачем они идут?

– Там тепло.

Получалось, что это кочевое племя. Летом живут где-то севернее, а к зиме откочёвывают южнее, в тепло. И, видимо, так совпало, что контейнер переместился рядом с местом их ежегодной стоянки.

Пока Моторин разбирался, с противоположного берега приплыла необычная лодка. Маленькая, не больше метра в диаметре, абсолютно круглая. Правил ей очень важный мужчина не меньше, чем с десятком перьев в волосах. Он ткнул судно бортом возле водяного колеса, ловко спрыгнул на берег и с достоинством подошёл к семейству.

– Дара атай буригогу ани Сапа кава? – требовательно поинтересовался он.

Марат сначала подобрался, как перед визитом большого начальника, затем посмотрел на Моторина и расслабился.

– Вождь Бизон Седой Хвост спрашивает, где наш отец.

Молодой человек оторвался от созерцания главы племени и оглянулся. Тани уже не было, вождя встречали только они с Маратом. Мальчишка зачем-то достал из кармана складной ножик, фасонисто, одним движением, разложил его. Потом заточил поднятую под ногами палочку, убрал нож, и поковырял острой деревяшкой в зубах.

– Иоту картар ма рада Сапа, иоту майда Моторин барый мана. Сагага тырче балам, – важно сказал он.

– А ну переводи всё как есть, – потребовал Пашка. Он, кажется понял, о чём говорили два таких разных индейца.

Со стороны можно было подумать, что встретились жители не просто разных веков, но разных эпох. С одной стороны, старательно надувал для важности щёки массивный, действительно похожий чем-то на бизона, вождь. Одет он был в толстые меховые штаны чуть ниже колен, сшитые грубым кожаным шнурком швом наружу. На широкой мускулистой груди его висело ожерелье из крупных клыков. Не оставалось сомнений, что прежних владельцев этих огромных зубов убил лично Седой Хвост. В доказательство личной доблести голову вождя украшала широкая, сплетённая из луба, лента с десятком разнокалиберных перьев.

Напротив него, не выказывая ни малейшего почтения, ковырялся в зубах мальчишка, одетый в сшитые капроновыми нитками брюки из тонко выделанной кожи, с – невиданное дело – накладными карманами. Голову юного индейца украшала фуражка-капитанка с вышивкой в виде штурвала. Когда-то при земляных работах Моторин нацепил её на Марата, чтобы тому не напекло голову летним солнцем. Так она и прижилась.

Малолетний тролль снова достал складенец, картинно разложил его, ковырнул под ногтем и с вызовом глянул на вождя.

– Марат, спрячь нож, – приказал Моторин. – Прояви уважение к старшему. И переведи, наконец, ваш разговор.

Мальчишка положил ножик в карман и нехотя сказал:

– Бизон Седой Хвост спросил, где глава нашего рода. Я сказал, что род Волка прервался, и теперь ты забрал нас в свой род.

– Какой род волка? – Пашка почувствовал, что теряет контроль за событиями.

– Сапа – значит волк.

– Стоп. А как тебя зовут по-вашему?

– Зимний волк. Я родился, когда был снег. А Таня – Волк с чёрным волосом. Точнее, она же женщина, значит, Чёрная Волчица. Нет, Паша. Волчица Чёрные Волосы.

– Черноволосая, – машинально поправил Моторин. Корректировать русский мальчишек уже вошло в привычку.

Диалог прервала сама Таня. Она с чисто женской мудростью решила разрядить обстановку и вышла перед вождём с дубовой дощечкой, на которой стояли собственного производства глиняные тарелки с жареным мясом, рыбой, и чашка с травяным настоем. Девушка еле заметно поклонилась гостю и что-то вежливо сказала по-индейски. Бизон Седой Хвост хмыкнул, посмотрел на Марата, как бы указывая ему – вот, как следует гостей встречать. Затем взял двумя пальцами кусочек мяса и положил в рот. Судя по удивлённому лицу, со специями племя было ещё не знакомо.

Как-то незаметно вождь и путешественник остались один на один. Моторин озадаченно поискал глазами своих. Как же, дозовёшься их сейчас. Вон, все трое старших усиленно хвастаются соплеменникам. Марат расхаживает гоголем, то раскладывая, то складывая подаренный ножик, вокруг него уже вьются едва начинающие оформляться девчата. Парень явно не пропадёт. Антона не видно, но Пашка не сомневался, что и тот занят саморекламой. А как ему сейчас общаться? Седой Хвост ведь не просто так стоит с вопросительным выражением лица. Но путешественник на местном наречии знает только «ио» – я. Моторин подозревал, что индеец русским владеет в ещё меньшей степени. Немного поразмыслив, он махнул вождю в сторону землянки, а сам скрылся в контейнере. Там, в закутке, стояла бутылка армянского «Арни», прихваченная как раз в представительских целях. И, похоже, сейчас как раз её выход.

Первую рюмку Бизон пил очень осторожно, крошечными глотками. Моторин даже подозревал, что вождь боится, как бы его не отравили. Но мало-помалу алкоголь сделал своё дело,

и вторые пятьдесят были отмечены длинной, но совершенно непонятной речью на индейском. Непривычного к крепким напиткам маскоги порядком разобрало. Более того, он, похоже, понял Пашку, прервавшего затянувшееся алаверды, ничуть на него не обиделся, и приготовился слушать.

К концу бутылки языковой барьер был побеждён.

– Ты великий шаман, – доверительно говорил индеец, склонившись к самому лицу путешественника. – Из неопытных молодых мальчишек ты за одно лето сделал невиданных мастеров. Если они дадут такие ножи всему племени, проси, что хочешь.

– Ну какой я шаман, Бизон? – отнекивался Моторин. – То, что я делаю, сможет любой.

– Не скромничай. Я ни у кого ещё не встречал волшебного напитка, помогающего узнать чужой язык. И томагавк, кидающий маленькие стрелки так сильно, что они могут убить кабана, я тоже нигде не видел. А ещё Тараниопу рассказывала, что ты рисуешь картинки, и они оживают.

Пашка вспомнил ежевечерние сеансы мультиков. Они очень помогли детям изучить русский. Но ведь…

– В городах у белых людей должны быть движущиеся картинки.

– Где? – не понял вождь.

– В городах. Ну, такие большие стойбища из каменных домов.

Бизон надолго задумался. Кажется, старый индеец что-то вспоминал. Наконец, он посмотрел на Моторина с пониманием.

– Я слышал про города. Это далеко, за южным морем. И ты прав, они сделаны из огромных камней, каждый из которых не унести и целому племени. Говорят, раньше в городах жили белые боги, но они ушли много сотен лет назад.

Путешественник почувствовал, что теряет мысль индейца. Требовалось срочно повысить градус. К сожалению, коньяк кончился неожиданно, и, как обычно, слишком быстро.

– Если ты думаешь, что я бог, ты ошибаешься, – начал объяснять Моторин, но заметил, что его уже никто не слушает. Бизон крепко спал, опустив подбородок на массивную грудь.

Приход племени сильно изменил жизнь семейства Сапа. Мальчишки из кожи вон лезли, демонстрируя родичам новые методы добычи мяса и рыбы, Таня проводила мастер-классы по гончарному искусству, консервированию продуктов и готовке. Коптить научились все, и уже через пару дней всё стойбище было окутано ароматным дымом.

Марат собрал таких же, как он, мальчишек, унёсся с ними на моторке на вырубку, и через неделю привёз не меньше центнера соли. А Антон с важным видом объяснял матёрым взрослым воинам, как и из чего лепить сыродутную печь, как отличить гематит от обычных камней, чем раздувать уголь… Но железо в итоге получилось только у него. Вторая печка, сложенная общими усилиями племени, выдала грязно-серый чугун вперемежку со шлаком. Понятно, что ни для какой кузнечной обработки эта субстанция не годилась.

Сам Моторин озаботился вопросом транспорта. К его удивлению, индейцы передвигались не на привычных по вестернам тентованных фургонах, запряжённых в неугомонных мустангов. Нет, для перемещения они использовали узкие деревянные санки, очень похожие на северные нарты. А запрягали в них, как ни странно, подростков. И те с удовольствием возили волокуши, соревнуясь между собой, кто быстрее, тяжелее и выносливее. Полозья служили и зимой, и летом, и похоже, колеса маскоги не знали.

Пашка долгое время осмысливал этот парадокс, а потом, наконец-то, сделал то, чем, похоже, следовало озаботиться сразу по прибытии. Открыл программу «Зодиак» на ноуте, взял секстан, и потратил ночь на вычисление положения основных звёзд и планет. И получил в итоге текущий год. Потом помотал головой и следующие две ночи проводил вдумчивую перепроверку. На третьи сутки на небе не было ни одного облачка, так что не осталось даже надежды на ошибку. Тысяча четыреста семьдесят шестой, плюс-минус три года.

Итак, если верить программе для составления гороскопов, Сиротин ошибся не только с местом отправки путешественника. Время прибытия так же отличалось от расчётного. Моторин в недоумении смотрел на дату. До визита испанцев под предводительством Христофора Колумба оставалось чуть меньше двадцати лет. Скорее всего, сам Кристо сейчас мечется по Испании в поисках денег на экспедицию.

Дата дала ответы на многие другие вопросы. Пашка понял, почему за всё время видел только три металлических инструмента, почему так дорого ценится здесь соль. Кроме того, этим объясняется и незнание индейцами колеса, и непонимание английского, и даже загадочная фраза Бизона про города белых богов. Конечно, как он мог увидеть другие города, если колонисты их ещё не построили?

А почему построить их должны именно колонисты, мелькнула мысль у путешественника. Варить железо он их уже научил, показал неизвестные ранее приёмы обработки дерева и шкур. Приучил к колесу. Таким образом, жизнь настоящих американцев даже сейчас начала меняться. А если объяснить им преимущества оседлого образа жизни, то конкистадорам придётся не разгонять плохо вооружённые и организованные племена, а осаждать крепости, построенные по всем правилам фортификационной науки. И в этом случае, неизвестно, кто выйдет победителем.

Только вот город – это не просто группа домов, окружённая стеной. Это ещё и сложная инфраструктура. И с чего здесь нужно начинать, путешественник не знал.

На следующий день Марат застал старшего товарища за необычным делом – тот мастерил каноэ. Неудачное, надо сказать. Слишком широкое, веслом с обоих бортов не загрести. Да и нос с кормой непривычно круглые. Такому судну будет сложно рассекать речные волны. Мальчишка даже засомневался.

– Паша, это лодка? – недоверчиво спросил он.

– Лодка, лодка, – ответил под нос мастер, не отрываясь от работы. И продолжал греть толстые ивовые ветки и гнуть их под непривычными углами.

Три дня самородный корабел не подпускал никого к своему детищу. За это время мальчишки научили воинов маскоги варить нормальное, ковкое железо, сделали десяток неплохих ножей, а индейская молодёжь как один решила бы стать кузнецами, если бы не Антон.

Он показал соплеменникам силу электричества. Хотя сам увидел его пару месяцев назад, но уже научился показывать фокусы с контуром и магнитом, добывать искры из кислых плодов, заряжать батарейки от установленного на реке генератора. И если детей больше привлекла зрелищная часть – самодвижущиеся кусочки железа, треск разрядов, то старшие индейцы с пониманием отнеслись к зарядке лодочного мотора. Даже пытались вызнать у подростка, какая сила заставляет винт крутиться, но тот пока и сам толком ответить не мог.

Ответил Моторин. Он как раз вытащил на свет странное, овальное перевёрнутое каноэ, неправильно обшитое шкурой. И в самом деле, зачем эта болтающаяся кожаная юбка над бортом? И почему в дно каноэ вделаны сразу три электрических двигателя? Оно же в этих местах будет воду пропускать.

Но конструктор даже не донёс свою лодку до воды, поставил её на берегу прямо так, брюхом кверху, сам устроился на днище… По рядам зрителей прошёл смешок, через несколько секунд превратившийся в откровенный хохот.

– Ты собрался плыть прямо по берегу? – кричал кто-то сквозь смех.

– Эй, белый, ты забыл перевернуть своё каноэ, – вторили из толпы.

– А как ты будешь грести? Тебе придётся бегать от борта к борту, чтобы опустить весло в воду.

– Ты подожди. Мы сейчас её перевернём. Понятно же, что такая огромная лодка слишком тяжела для одного.

Антону, слышавшему всё это, хотелось провалиться сквозь землю. Он считал Пашку своим учителем, человеком, которого им послал Великий дух, чтобы дети не умерли с голоду. До этого момента мальчик старался во всём подражать старшему товарищу, и вдруг такой позор. Может быть, стоило настоять на помощи, и тогда каноэ получилось бы нормальным, таким, какое когда-то собрал из шкур и веток покойный отец?

Юный индеец глянул на усмехающегося в бороду белого и задумался. Ведь не стал бы он с такой улыбкой встречать критику и насмешки. Не иначе, всё идёт, как Паша и планировал. И тут раздался знакомый шум электромотора.

Каноэ неожиданно приподнялось над каменистым берегом, Моторин поёрзал на низеньком сиденье, проверяя правильность крена и тангажа, затем включил задний двигатель. Медленно набирая обороты, завертелся двухлопастной алюминиевый винт, и неправильное каноэ неспешно сползло в воду.

Антон ждал, что посудина сейчас черпнёт носом волну и перевернётся, но не тут-то было. Лодка, кажется, не видела никакой разницы между берегом и рекой. Мотор взревел, и судно, оставляя позади себя облако водяной взвеси, помчалось вперёд.

Зрители слились в едином крике. Каждый хвалил конструктора, громко, но неразборчиво в общем шуме, выражал свои чувства.

Через пару минут послышался гул, и из-за излучины вынырнула неправильная лодка. Она шла абсолютно ровно, не обращая внимания на волны и ветер. Приблизилась, сбросив ход, развернулась, пару раз рыкнула задним винтом и тяжело, как бык после купания, выбралась на гальку.

– Вот такая лодка, Антон, – с улыбкой пояснил Моторин.

Глава 9. Курс молодого кузнеца

Сразу после ходовых испытаний лодки на воздушной подушке Пашку плотно оккупировали дети. Обычно они собирались стайками по пять-десять человек, врывались к путешественнику, совершенно не обращая внимания на то, может он говорить, или нет. С собой в качестве переводчика маленькие маскоги вели смущённого Антона, Дашу, реже Марата. И вот окружит такая свора Моторина и начинает его на десяток голосов, перекрикивая друг друга, убеждать. А красный от волнения Антон, бросив бесплодные попытки утихомирить этот обезьянник, поясняет:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.